

ТЕОДОР
МОММЗЕН

ИСТОРИЯ
РИМА

«История Рима» — один из фундаментальных трудов мировой научной литературы, автором которого является немецкий историк Теодор Моммзен. Данное издание является кратким пересказом «Истории Рима», выполненный известным историком и археографом Николаем Чечулиным. Книга посвящена истории Древнего Рима со времен его основания до диктатуры Суллы и Цезаря.

За масштабное творение «История Рима» Теодор Моммзен был удостоен самой престижной награды в литературе — Нобелевской премии.

Теодор Моммзен

ИСТОРИЯ РИМА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1909 ГОДА

«Римская история» Моммзена — книга вечного значения. За пятьдесят лет, протекших с выхода ее в свет, много новых материалов сделалось достоянием науки, немало разъяснилось подробностей, которые были неясны или неизвестны Моммзену, но никакие новые открытия и исследования не лишат эту книгу ее главного значения: всегда и для всех будет поучительно и полезно познакомиться с тем, как смотрел человек такого могучего ума, как Моммзен, на жизнь народа, на задачи государства, на способы устраивать человеческое благополучие, на причины общественных бедствий, на тот огромный и непрерывный труд вообще, какого требует от людей государство и общество.

Из серьезной книги всякий

читатель извлекает то, что наиболее подходит к кругу его понятий, что, отвечая иногда неясным для него самому запросам жизни, волнует его до глубины души. Сочинение Моммзена затрагивает ум и сердце читателя так, как немногие произведения всемирной литературы. К сожалению, сравнительно мало обращаются к этой замечательной книге, но это до известной степени понятно, — преодолеть нелегкие по глубине и важности содержания первые главы и прочитать две тысячи страниц — задача, за которую многие не находят возможным и приниматься.

Предлагаемая книга передает в сжатом виде то, что у Моммзена изложено с несравненно большими подробностями в первых трех томах его сочинения: четвертый том не был издан, а пятый, содержащий очерк состояния провинций при империи, с первыми тремя не связан непосредственно; составлена эта книга по моей просьбе лицом, вполне сведущим в исторических вопросах; все старания были приложены к тому, чтобы сохранить и связность

рассказа, и равномерность изложения, и — главное — общий дух сочинения великого историка.

Решаюсь высказать уверенность, что эта книга принесет свою долю пользы. Если хоть немногих она несколько успокоит и утешит в тяжелое время, как то, которое еще так недавно пришлось пережить нашей родине, если хоть очень немногим даст она бодрость искренно, смело и с верой работать, несмотря на кажущуюся безвыходность и безотрадность положения, то цель этого труда достигнута.

***11 ноября 1908 г. Кн. А.
Горчаков***

Книга первая ДО УПРАЗДНЕНИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Глава I. ВВЕДЕНИЕ

На извилистых берегах Средиземного моря, которое и разделяет, и соединяет три части Старого Света, издревле жили народы разного происхождения, в историческом смысле представлявшие одно целое, так как они были в постоянных и близких отношениях между собою. История культуры этих народов и составляет то, что называется древнею историею. В самой глубокой древности началась цивилизация у коптского или египетского племени в Африке, затем у арамейской или сирийской нации в западной части Азии и, наконец, у эллинов и латинов в Европе. Народы каждого из этих четырех племен достигли путем самобытного развития высокой степени цивилизации, затем вступили между собою в самые близкие, оживленные сношения и всесторонне и блестяще разработали все стороны человеческого развития прежде, чем новые племена, германские и славя некие, влились огромною волною в государства древнего мира, разрушили прежнюю общность жизни его народов, разделили исторические судьбы северного и

южного берегов Средиземного моря и самый центр исторической жизни перенесли на берега Атлантического океана. Этим изменением в составе народов, действующих в Европе, и перемещением исторической жизни в новые страны началась новая история, т. е. создание новой культуры. Глубокими и многоразличными связями соединяется она с той, на смену которой явилась: человечество неизбежно многое черпает из цивилизации древнего мира, как и он, в свою очередь, черпал многое из древнейших, ему предшествовавших, цивилизаций. В свою очередь и народы нового мира переживут эпоху развития, эпоху полной силы и время одряхления, переживут счастливые периоды творчества в области религии, государственной деятельности и искусства, эпоху спокойного пользования накопленными умственными благами, а затем и период падения. Падение это будет преходящим: самая грандиозная цивилизация рано или поздно должна себя изжить и прекратиться, но не прекратится духовная деятельность самого человечества, ибо едва человеческий дух как бы достигает разрешения высших задач — он снова ставит себе подобные же задачи, но еще шире и выше.

В предлагаемой книге рассказана будет история последнего деятеля древней истории — латинского племени: старейшие поселения

италийского племени на полуострове, опасности, угрожавшие его политическому и национальному существованию, отпор, оказанный италийцами чужеземцам, борьба латинов с другими родственными племенами, их торжество и объединение ими Италии, затем быстрое расширение латинского государства и распространение его власти на весь цивилизованный мир древности и, наконец, эпоха Юлия Цезаря, когда намечены были все пути, по которым с тех пор и идет человечество.

Глава II. ОБРАЗОВАНИЕ ПЛЕМЕНИ ИТАЛИЙЦЕВ, ИХ РОДСТВО С ЭЛЛИНАМИ

Италийцы и эллины до разделения. Духовный склад эллинов и италийцев.

Италия, так же как Греция, — благодатная страна, с мягким, умеренным климатом, которая требует от человека постоянного труда для удобного существования, но щедро вознаграждает за труд. Береговая линия Италии развита значительно менее, чем в Греции, и рядом с материком нет усеянного островами моря, поэтому мореплавание не развилось здесь так, как в Греции. Зато Италия удобнее для земледелия и скотоводства

и обширнее.

Долгое время историческая жизнь италийских племен совершалась не на всем протяжении полуострова, не до Альп и реки По, а в средней и южной его части, в том пространстве, которое ограничено с севера Апенниннами. Настоящею сердцевиною Италийской земли была средняя часть этого пространства, там, где лежат Этрурия, Кампания и Лациум. Эти области смотрят на запад, в то время как в Греции к востоку обращены Аттика и Македония — те области, которые явились главными деятелями в истории Греции. Так самую природою указано коренное различие исторической роли Греции и Италии: первая бросила семена своей цивилизации и наложила свою тень на восток, вторая — на запад.

О первом переселении людей в Италию, конечно, не сохранилось никаких сведений. В древности было всеобщим убеждением, что там, как и всюду, первые жители на месте и произошли. Устанавливать происхождение человеческих рас и племен дело не историка, а антрополога. Дело же историка — проследить постепенное наслоение народностей в стране и смену одной культуры другою.

В большей части Европы арийскому населению предшествовало, как доказывают археологические изыскания, какое-то вполне

исчезнувшее племя, стоявшее на весьма низком уровне развития, в Италии следов существования такого народа не найдено. В те времена, о которых можно судить уже с достаточными основаниями, на Апеннинском полуострове находились племена япигское, этрусское и италийское, последнее делилось на две ветви: к одной принадлежали латины, к другой — умбры, марсы, вольски, самниты.

Япиги — племя, родственное эллинам. Они были, по-видимому, древнейшими поселенцами на полуострове. Жили они на крайней южной его оконечности, оттесненные туда позже пришедшими. В течение исторического периода существования италийских народностей япиги являются племенем слабым, вымирающим, и с течением времени они совершенно растворились в других племенах.

Италийцы ближе, чем какой-либо другой народ, родственны эллинам. Лингвистические исследования, которые вообще дают самые надежные выводы о древнейшем, доисторическом периоде жизни народов, свидетельствуют неоспоримо, что когда-то, в глубочайшей древности, от общей массы арийцев отделилось какое-то племя, которое долгое время жило совместно, нераздельно, а затем распалось на две группы — одна из них дала впоследствии эллинов с

их различными подразделениями, а другая — италийцев, которые также разделились на латинов и умбров, а затем и на другие, более мелкие этнографические величины, как эллины на ионян, дорян и пр.

Если выделить корни, общие всем арийским языкам, то определятся приблизительно те слова, которыми располагали индоевропейцы уже в ту отдаленнейшую эпоху, когда они составляли еще один народ, когда в их среде еще не обособилось определенно ни одно племя. Эти слова укажут нам и те понятия, которыми люди тогда располагали, ту степень культуры, которой они достигли. Такое изучение показывает, что индоевропейцы еще до своего разделения прошли уже стадии быта звероловного и рыболовного, что они были народом пастушеским, приручили уже быка, овцу, собаку, свинью, некоторых домашних птиц и даже начинали обрабатывать землю, они уже знали соль, виноградный сок, имели жилища, употребляли одежду, умели даже устраивать примитивные повозки и весельные лодки. У них сознавались уже ближайшие степени родственных отношений, они умели считать до ста, отличали светила небесные и имели не только первоначальные представления о божестве как о какой-то высшей силе, но и некоторые общие мнения о загробной жизни. Данные же языка доказывают, что то племя,

которое впоследствии распалось на эллинов и италийцев, долго жило общою жизнью после выделения из общей массы арийцев. Данные языка и некоторые древнейшие обычаи доказывают, что еще до разделения этого племени на две главные его ветви выработались уже важнейшие приемы земледелия, способы измерения земель, устройство дома, подробности вооружения, что племя это еще за время нераздельного существования стало почитать божество домашнего очага, единственное божество, общее грекам и италийцам и вместе с тем не существующее в древнейшей мифологии всех индоевропейцев. Наконец, способ добывания огня трением одного куска дерева о другой и самые названия того и другого куска у эллинов и италийцев были одинаковы, и, значит, способ был найден еще в эпоху их нераздельного существования.

В отношении внешнего быта вообще эллины и италийцы выступают на историческое поприще в условиях довольно близких. Не то было в области духовной жизни. Великая задача, предлежащая человеку, — жить в сознательной гармонии с самим собой, с себе подобными и с целым — допускает столько решений, сколько «обитателей в доме Отца», и в области духовной жизни всего резче различаются и отдельные люди, и отдельные народы. В этом отношении эллины и италийцы так

различны между собою, так своеобразны у тех и у других семья и государство, религия и искусство, что почти невозможно ясно представить тот умственный строй, то миросозерцание, в котором такие противоположности могли объединяться.

Эллины всегда приносили общее в жертву частному, нацией жертвовали для общин, а общинами — для отдельных лиц. Их идеалом была созерцательная жизнь, без труда, часто переходившая в праздность. Политическое развитие у них выразилось в усилении первоначального партикуляризма отдельных племен, а затем в разрушении общественных связей и в отдельных общинах. В религиозном отношении эллины сначала низвергли богов до человека, а затем и вовсе их отвергли. Они любили зрелище борьбы обнаженных юношей и предоставляли полный простор человеческой мысли во всем его страшном великолепии, а римляне воспитывали детей в почтении к отцу, граждан — в почтении к государству, и всех — в почтении к богам. Они ничего не спрашивали и ничего не уважали, кроме полезной деятельности, и требовали, чтобы каждый миг своей короткой жизни человек отдавал труду, у них даже дети должны были скромно завертываться в свое платье, у них считался худым гражданином тот, кто хотел жить не так, как другие, и из отвлеченных идеалов только стремление к величию

родины не считалось пустым. При таком коренном, глубоком различии мирозерцания эллинов и латинов у племени, когда-то объединявшего их, мы можем определить лишь самые общие черты семейного и общественного быта и религии и чаще должны будем указывать отличия, чем пункты сходства.

Супружеский союз, эта основа всякого общежития, у эллинов и италийцев был одинаково отмечен нравственным и благопристойным характером, одинаково требовалось единоженство и единомужие. Но у италийцев власть мужа, и особенно отца, получила несравненно более сильное развитие, чем у эллинов. Род, т. е. союз потомков одного и того же родоначальника, у эллинов получил сильное значение по отношению к государству и имел очень мало власти и влияния на каждого отдельного члена. У италийцев, особенно у римлян, наоборот: пред сильно развившеюся идеею государства роды совершенно не сохранили своего значения, но в полной степени сохранили его по отношению к отдельным лицам. Это выразилось, между прочим, и в том, что у римлян родовое имя осталось главным, наиболее употребительным, и рядом с ним личные имена имели мало значения, были очень малочисленны и просты, иногда и вовсе не употреблялись в общежитии. У эллинов же, наоборот, личные имена пышны, громки,

разнообразны, а родовые рано вышли из употребления. В отношении к рабам римляне сурово проводили принцип их бесправия, а греки рано внесли в рабство смягчения. Формы суда и наказания были, по-видимому, одинаковы в общий греко-италийский период, равно как и основы государственного устройства. И тут и там видим царя, сенат и народное собрание, имевшее власть только принимать или не принимать внесенные царем предложения, — древнейшее устройство критских общин, описанное Аристотелем, до мелочей сходно с устройством Рима времен царей. Общими были эллинам и латинам и разнообразные соединения отдельных племен в союзы, у германцев и кельтов вовсе не встречавшиеся.

В области религии общие в своей основе верования у эллинов и у латинов развились совершенно самостоятельно. У эллинов — царство живых образов, олицетворенные боги, у римлян — одна отвлеченность, одна идея, зато эта идея признавалась почти во всем, почти повсюду. Не только одни крупные явления или великие силы природы обожествлялись для римлян: римлянин чтит все, что духовно, и всякому бытию, и человеку, и лесу, и реке, и государству, даже таким действиям, как пахание, ограждение границ, заложение города и т. п., он придавал как бы душу и чтит ее. И такого рода религиозность надолго

овладевала умами, как свидетельствует вся история Рима, с силою еще большею, чем почтение к человекоподобным богам у греков.

В развитии искусства особенно далеко разошлись эти два родственные племени. У латинов искусство долго оставалось на такой низкой ступени, как у народов, не имеющих никакой культуры, — у эллинов же поэзия и ваяние быстро достигли такой высоты, какой никогда уже более не достигали: эллины научились рано ценить вдохновляющее могущество красоты и пользовались им, в Лациуме же не сознавали и не признавали другого могущества, кроме могущества силы.

Таким образом, две родственные нации развились в двух совершенно противоположных направлениях, и обе развились вполне, потому что развились односторонне. Идеальный мир прекрасного был для эллина дороже и выше всего, в наслаждении им он забывал и личные печали, и недостатки своего государственного и общественного быта. Преимущества эллинов более ярки и более бросаются в глаза. Но дарования италийцев глубже, драгоценные их свойства — понимание того всеобщего, что рассеяно в частных явлениях, их покорность и способность к самопожертвованию, серьезная вера в своих богов. Отдельные личности могли страдать в таком

народе, могли быть заглушаемы в людях их лучшие природные задатки, но отечество этих людей и их чувства к этому отечеству были таковы, каких не знал грек, и при государственном устройстве, основанном на самоуправлении, латины так развили свою национальность и вместе с этим достигли такого могущества, что им подчинились и эллинская нация, и весь мир.

Глава III. ПОСЕЛЕНИЯ ЛАТИНОВ. ЗАЧАТКИ РИМА

Расселение латинов родами и общинами. Союз этих общин. Географическое преимущество Рима.

Италийцы пришли на полуостров сухим путем, с севера: по-видимому, первоначально продвинулись латины и заняли равнину по берегу моря. За ними уже двигались умбры и сабелы и должны были удовольствоваться более суровою, гористою местностью. Область, занятая латинами, ограничивалась с запада морем, с юга и востока — горными цепями, а на севере переходила в обширную равнину. Почти вплоть до Тибра с севера продвигались разные умбро-сабельские племена. Местность эта не отличается здоровым

климатом: летом здесь свирепствуют лихорадки. Но для земледелия почва благодатна, и первоначальные поселенцы мирились с климатическими неудобствами — отчасти, быть может, потому, что были менее чувствительны к ним, отчасти потому, что боролись с ними не без успеха: римские поселяне долгие века сохраняли древний обычай следить, чтобы в жилище никогда не угасал огонь, а пылающий огонь, как доказано опытом, отлично предохраняет от заболеваний лихорадкой.

Древнейшие названия земельных участков в Лациуме почти сплошь являются родовыми прозвищами, из чего можно с уверенностью заключать, что латины селились здесь родами, но о внутренних отношениях в родах мы ничего не знаем. Отдельные общины были объединены между собою в своего рода союз, он связан был единством происхождения, языка и нравов и действовал сообща в случае войны наступательной или оборонительной. Отдельные роды имели небольшие укрепленные пункты. Волости, или соединения родов, имели такие же центральные укрепленные пункты, но более значительные, и еще во время империи так жили поселяне в наиболее глухих местах полуострова, а заброшенные остатки когда-то укрепленных пунктов встречались повсеместно.

Древнейшие волости возникли, по-видимому, между Албанским озером и Албанской горой: здесь была отличная земля, отличная вода. Здесь лежала и Альба, почитавшаяся с древнейших времен матерью Рима и других древнелатинских общин. Здесь лежали древнейшие латинские города Ланувий, Ариция, Тускулум. Здесь находились остатки древнейших сооружений. Тибур, Пренеста, Габин, Рим, Лаврент, Лавиний тоже принадлежали к числу древнейших общин, общее число их было, по-видимому, тридцать: этим числом чаще всего и в Италии, и в Греции определялось число составных частей общественных организаций. На Албанской горе ежегодно справлялся «латинский праздник», сохранявшийся долго и в исторические времена. Этот праздник, как у греков Панионии и Панбеотии, служил выражением единства латинского союза, существование которого несомненно, хотя подробности его устройства почти неизвестны.

Приблизительно в расстоянии 25 верст от моря по течению Тибра начинаются холмы, более высокие на правом, чем на левом, берегу. Здесь издревле обитали общины рамнов, луцеров и тициев. Имя Ramnes есть древнейшая форма имени Romani: слова эти родственны так же, как *past* и *portio*, *Mars* и *mors*. Изменение «а» на «о», рано прекратившееся в латинском языке,

свидетельствует о глубокой древности названия. Рамны и луцеры были, несомненно, латинского происхождения. Тиции же, по-видимому, — сабинского: с их именем предание всегда связывало сохранение в римском культе сабельских элементов. Возможно, что совместное жительство этих трех общин началось еще в то время, когда латины и сабелы не резко различались между собою. Из поселений этих общин возник Рим.

Конечно, нельзя говорить об основании Рима в том смысле, какой придает ему общеизвестная легенда. Рим построен не в один день. Поселки, существовавшие на месте его возникновения, развились в крупный центр, без сомнения, в силу важных причин — и их можно раскрыть, внимательно обсудив положение Рима. Вся область, где он лежит, с юга, востока и севера, на недалеком от города расстоянии, ограничена землями других общин, но к западу, к морю, пространство было совершенно свободно — и вот Рим получил первое значение потому, что представлял исключительные выгоды в качестве складочного места для торговли и в качестве пограничной крепости Лациума.

Древнейшая торговля Рима засвидетельствована несомненными данными. Со своей крепкой позиции он господствовал над обоими берегами реки до ее устья, его положение одинаково удобно и для тех, кто спускался на

лодках сверху по течению Тибра, и для мореплавателей: небольшие суда, в каких совершались в то время и морские переезды, могли подниматься по реке до Рима. Вместе с тем некоторое отдаление от моря доставляло большую безопасность от морских разбойников. В Риме, наконец, издревле был мост через реку, опорой для которого служил лежащий посреди Тибра остров, мост же в те времена представлялся сооружением чрезвычайно важным. Была еще причина, которая способствовала росту города Рима: нездоровый воздух лежащей около него низменности побуждал население жить преимущественно на высоких холмах, сгруппированных на месте Рима. Благодаря всему этому Рим стал значительно населенным городом уже в то время, когда большинство латинов жило еще по селам. Городская организация Рима и обусловленный этим дух его учреждений и дали ему возможность быстро и значительно выдвинуться среди латинской сельской организации. Первоначально укрепленный пункт, который доставлял ближайшим жителям убежище в случае нужды, находился на Палатинском холме. Другое укрепление находилось на Квиринальском холме. До позднейшего времени жители ближайших к Палатину поселков именовались «жителями горы», а жители ближайших к Квириналу — «жителями холма», хотя Квиринал не

только не ниже, а даже несколько выше Палатина. С течением времени поселение разрасталось, а с тем вместе приходилось увеличивать и стену. К эпохе Сервия Туллия явились и потребность, и средства соорудить величественную стену, окружившую тот Рим, который знает история, но к этому времени положение Рима среди окрестных поселений изменилось уже коренным образом.

Глава IV. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РИМА И ДРЕВНЕЙШИЕ РЕФОРМЫ В НЕМ. ГЕГЕМОНИЯ РИМА В ЛАЦИУМЕ

Римская семья, власть отца. Римское государство, власть царя. Равноправие граждан. Неграждане. Народное собрание. Сенат. Военная реформа Сервия Туллия. Разрушение Альбы. Союз Рима с другими латинами. Развитие города Рима.

Государственное устройство у римлян развилось на тех самых основах, как семейный их быт.

Иметь собственный дом и детей признавалось у римлян за цель и главную суть жизни гражданина. Смерть не почиталась несчастьем, потому что она

неизбежна, но вымирание семьи, тем более целого рода, считалось бедствием, и рано выработаны были способы усыновления чужих детей, чтобы существование рода поддержать.

Семейные отношения у римлян были строгим проведением начал, намеченных самой природою. Семья, по римским понятиям, должна была составлять нечто вполне единое, а потому и управляться она должна была одним полноправным — за смертью своего отца — представителем — мужем, отцом. Его жена, их сыновья и внуки со своими женами, их незамужние дочери — все это одинаково входило в состав неразрывной семьи и пред ее главою было так же бесправно, как вол или раб. Все безусловно подчинялось главе семейства: он судил членов своей семьи и определял им наказание вплоть до смертной казни. Не закон, а только религиозные обычаи и нравы полагали тут границы воле отца, только они, а не закон запрещали отцу кидать своих новорожденных детей. Освобождение взрослого сына от отцовской власти во всей ее полноте было выработано позднее и обставлено большими затруднениями, чем отпущение на волю раба. Сыновья были гражданами и имели свои права, только при жизни отца некоторые их права не применялись, но со смертью отца все его сыновья сразу делались полноправными гражданами и становились главами

своих семейств.

Женщина всегда была в положении подчиненном у мужчины, потому что она принадлежала только семье и не существовала для общины. Зато в семье женщина занимала почетное положение, не несла тяжелых работ, лежавших на рабах, а только надзирала и занималась пряжею — почетным и почти обязательным для нее делом.

Семьи братьев не теряли связи окончательно. В некоторых случаях обычай требовал, чтобы глава семейства совещался со своими ближайшими взрослыми родственниками. Происходившие от одного родоначальника признавали себя членами одного рода и по имени своего родоначальника и именовались.

Около самостоятельных семей группировались люди полусвободные-полузависимые, так называемые клиенты. Это были чужеземцы, принятые под свое покровительство в общине кем-либо из граждан, и их потомки, а также отпущенные на свободу рабы и их потомки. Юридически клиенты почти не отличались от рабов, но по обычаю и фактически пользовались значительно большею независимостью.

Соединением родов составилось государство, из их земельных участков образовалась его территория. Каждый законный потомок одного из

родоначальников был гражданином этого государства, они и именовались «отцовыми детьми». Пред общиной все ее члены были равноправны, хотя внутри семей взрослые сыновья и подчинялись вполне воле отца. Клиенты же и другие домочадцы пользовались покровительством общины, но не имели всех прав, не несли зато и всех обязанностей.

Государственное устройство было повторением — в более широкой сфере — семейных отношений. По римским понятиям, государство так же нуждалось в полноправном главе, как и семья, а так как между свободными и равноправными гражданами не было прирожденного главы, то из среды полноправных и способных носить оружие граждан избирался пожизненно царь, правитель, который и имел все признаки власти отца в семье. Воля его законно ничем не была ограничена. Он безапелляционно судил и налагал наказания. Приговорив кого-либо даже к смерти, он мог, но не был обязан допустить обращение к народу с просьбою о помиловании. Он принимал за всю общину обязательства — заключал мир и объявлял войну, он назначал отрядных начальников во время войны и градоправителя на время своего отсутствия, и эти лица были просто его уполномоченными, а не должностными лицами в нашем смысле слова.

Единственное легальное ограничение власти царя состояло в том, что он мог лишь применять законы, а не изменять их. Распоряжение его в последнем смысле было бы просто почтено за незаконное и не было бы исполнено, а если бы царь стал слишком часто рисковать такими распоряжениями, то потерял бы власть: ему повиновались не как высшему существу, а лишь потому, что для общины считалось наиболее удобным иметь полноправного главу. Царь имел право и, пожалуй, был даже обязан назначить себе преемника; если же он почему-либо этого не сделал, то коллегия отцов предлагала гражданству царя и, если община принимала его, он становился царем.

Граждане были между собою вполне равноправны, сословных различий не было. Это было особенностью латинской нации и объясняется, вероятно, тем, что на месте своего поселения латины не нашли никакого другого населения и не подчинили себе никакой другой расы. Неграждане были в римской общине вполне бесправны.

Государственное устройство опиралось только на граждан: все граждане поголовно должны были в случае нужды выступать воинами, несли обязанности по сооружению стен и общественных построек. Денежных податей граждане не платили. Неграждане уплачивали в распоряжение царя

денежные сборы как бы за свою охрану. Другие доходы, которыми вообще распоряжался царь, составлялись из таможенных сборов и платы за пользование участками общественной земли. Расходы государства были очень невелики, потому что услуги общине не оплачивались.

Граждане участвовали в народных собраниях, которые созывались царем не реже двух раз в год. На этих собраниях народ только давал согласие на предложения, делаемые царем, или отвергал их, но не мог ни обсуждать их, ни делать своих предложений. Согласие народа требовалось для наступательной войны и на всякое изменение закона. Пока не возникало мысли об изменении закона, народное собрание не вступало в дело управления: тогда управляли законы под наблюдением царя. С глубокой древности каждая из трех первоначальных римских общин делилась на 10 курий, имевших каждая особых попечителей и особых жрецов. По куриям собирались рекруты, происходили сходки и обсуждение дел; с древности считалось в Риме 300 родов и было 300 сенаторов, 300 всадников и 3000 пехотинцев.

Рядом с царем и народным собранием стоял сенат — собрание старейшин. По идее сенат был составлен из родоначальников тех 300 родов, которые положили основание Римского государства, поэтому сенаторы назывались

«отцами» и число их было 300. Так как государство должно было быть организовано и управляемо по образцу семей, то в случае смерти царя без преемника власть переходила в руки сената. Из числа сенаторов выбирался по жребию временный царь. Если в течение пяти дней он не успевал подыскать человека, которого можно было бы предложить в цари, то сам назначал нового временного царя, и этот поступал так же, пока не был избран царь. Сенат являлся вообще сотрудником царя, из его среды царь по преимуществу избирал своих помощников. Главное же значение сената состояло в том, что он был охранителем законности и от царя, и от самой общины: сенат мог отказать в утверждении всякому постановлению общины, если находил, что оно нарушает обязанности к богам или к другим государствам или органические законы самой общины. Отсюда для царей возникла почти необходимость узнать предварительно мнение сената о всякой мере, которую они желали предложить общине. Но не закон, а соображения удобства предписывали это царю, и они же подсказывали сенату, когда было бы неблагоприятно пользоваться этим правом. И всего более политическая мудрость сената создала такое положение, что при обширнейшей власти общины над каждым своим членом, при обширнейших

полномочиях царя и его доверенных лиц римский гражданин, который не нарушал законов, чувствовал себя совершенно обеспеченным во всех своих правах.

В глубокой древности совершилось соединение «горных» и «холмовых» римлян или, точнее, подчинение вторых первым. С этих пор войска стало собираться вдвое больше, но число сенаторов осталось прежним. Богослужebные учреждения «холмовых» римлян сохранились, и с этих пор в Риме число жрецов и жриц всегда бывало четным. Вновь присоединившиеся граждане были расписаны по существовавшим уже куриям — слияние двух общин было скорее количественным приращением, чем внутренним преобразованием.

Рядом с гражданами в Риме собралось мало-помалу и очень значительное число неграждан, к числу их принадлежали помимо вольноотпущенников и их потомков, уже огражденных законами от всяких покушений на их свободу, еще и бывшие граждане других, покоренных Римом, общин, а также и члены других общин, селившиеся в Риме для торговли. В таком оживленном торговом пункте, как Рим, число их быстро достигло значительных размеров. Из таких людей довольно рано создалась «толпа» — группа населения, значительная количественно, вовсе не стоявшая в приниженном положении и

экономически, но не имевшая законом обеспеченных прав. По-прежнему эти люди могли действовать пред судом только через посредство какого-нибудь гражданина. Граждане, в свою очередь, начинали чувствовать тягость того, что они одни исполняли военную службу и несли потери на войнах. Само число их только что не уменьшалось, но никак не увеличивалось в уровень с увеличением числа неграждан. Возникавшие из таких отношений неудобства были в значительной степени отвращены реформой, которая произведена была в глубокой древности и которую предание связывает с именем царя Сервия Туллия.

По вновь введенному порядку воинскою повинностью были обязаны жители Рима уже не по происхождению, а по владению землею. Все, кто имел землю, должны были нести военную службу. Имевшие участок земли, достаточный для работы на нем с одною плуговою упряжкою и больше, должны были доставлять по воину с участка; имевшие доли полных участков доставляли воинов по расчету количества земли, принадлежавшего им. По произведенному тогда подсчету выходило, что на каждых 80 пехотинцев, выставленных владельцами полных участков, владельцы трех четвертей участка, половины и четверти участка должны были выставить по 20 чел., всего, следовательно, 60 чел., а владельцы одной восьмой

— 28 чел. Конную службу несли самые состоятельные, всадников собиралось приблизительно в 9 раз меньше, чем пехотинцев. Не имевшие собственности, пролетарии (буквально: имевшие только потомство), доставляли для армии работников. Собирались воины по призывным округам (трибам), которых было установлено четыре, причем на прежнее деление по куриям не было обращено никакого внимания, — по-видимому, для того, чтобы помимо всяких прежних родовых различий теснее слить войско воедино. Военною службою были обязаны все от 18 до 60 лет. Боевою единицею был легион, делившийся на 84 центурии и состоявший из 8400 чел. — в том числе 4000 тяжеловооруженных, 2000 легковооруженных и 2400 неграждан, сопровождавших войско в качестве носильщиков и вступавших в ряды в случае значительных потерь воинами. Всего было 2 легиона и 1800 всадников, следовательно, в общем до 20 000,- по-видимому, таково было число способных носить оружие римлян в то время, когда реформа вводилась. Для целей военной службы тогда же установлен ценз — периодические переписи земельного имущества.

Эта реформа имела большие последствия: кто служит солдатом, тот должен иметь право и повышаться — и, действительно, с этого времени стали достигать высших должностей и плебеи.

Старое гражданство, сохранявшее прежнее деление по куриям, сохранило и свои привилегии утверждать или принимать законы, но те решения, которые касались военной силы, например вопрос о наступательной войне, перешли уже к центуриям — т. е. к собраниям людей, несших военную службу. С течением времени эти собрания по центуриям стали все более и более претендовать на участие и в других общественных делах. Все, кто должен был нести военную службу и, следовательно, записан был в трибы, избавлены были от всяких денежных сборов — теперь их вносили почти только одни иноземцы, не числившиеся в трибах.

Сколько-нибудь точно определить время этой реформы невозможно. Бесспорно, что она могла быть проведена только тогда уже, когда римская община присоединила к себе многие соседние общины, — при двадцати приблизительно тысячах способных носить оружие общее число жителей должно было достигать почти 100 000 человек. Греческие государства, находившиеся в Италии, ввели у себя подобные реформы приблизительно за 550 лет до Р. Х.,- вероятно, около этого же времени введено было это устройство и в Риме.

Еще в очень отдаленное время, от которого не дошло до нас сколько-нибудь достоверных подробностей, римляне постепенно покорили целый ряд ближайших поселений и наконец взяли и

разрушили самую Альбу, которая почиталась главою латинских общин. Территория покоренных общин присоединялась к римской, центральный укрепленный пункт разрушался, а жители, получая права клиентов римской общины, частью переселялись в Рим, частью были оставляемы на прежней территории, но должны были жить в неукрепленных городах. Самым выдающимся лицам или родам покоренной области иногда предоставлялись права римского гражданства — так, например, роды Юлиев, Сервилиев, Квинтилиев и др. происходили из Альбы. Латины вообще держались правила, что в области не должны существовать другие самостоятельные и укрепленные пункты, кроме столицы. Римляне же с особою строгостью проводили этот принцип и, в противоположность финикийцам и грекам, не выводили и не основывали колоний вне Италии: они стремились постоянно к упрочению твердого национального единства.

С разрушением Альбы возник вопрос об отношении Рима к союзу, главою которого была Альба: Рим заявил теперь претензии на первенство в союзе. Установившиеся затем отношения можно характеризовать так: между Римом с одной стороны и всеми латинскими общинами с другой был установлен равноправный союз. Все наступательные и оборонительные войны должны

были быть ведены сообща, внутри же союза войн не допускалось. Во внутренних своих делах и распорядках каждая община сохраняла самостоятельность. Гражданское право тоже долгое время сохранялось у разных общин различное, и если сближалось постепенно, то лишь постольку, поскольку это оказывалось нужным при частых торговых и других сношениях.

На всем протяжении союзных земель гражданин не мог быть обращаем в рабство; все граждане союза получили право заключать законные браки на всем его протяжении; граждане всякой общины получали право свободно избирать себе место жительства, — естественным путем, это право обратилось в пользу столицы. Военная сила составлялась из двух приблизительно равных частей, римской и латинской. Начальствование над всею армиею принадлежало вождю, выбираемому на год поочередно то римлянами, то латинскими союзниками. Союз предоставлял обеим сторонам равные права, но фактически преобладание в нем скоро окончательно перешло на сторону Рима, — всегда и всюду при постоянной политической связи союза государств с одним крепко сплоченным государством перевес оказывается на стороне последнего.

Подробности и точные даты этих событий восстановить невозможно, но несомненно, что с

этого времени Рим стал расти и развиваться особенно быстро. Явились потребность и средства создать новую обширнейшую стену, которая обняла все шесть холмов, находившихся на левом, южном берегу Тибра, — Палатин, Авентин, Целий, Эсквилин, Виминал и Квиринал; на Яникуле, за Тибром, устроено было твердое мостовое покрытие. На Палатине был построен новый крепкий замок с казнохранилищем и древнейшим местом народных сходок. Несомненно, к древнейшему же времени относится, по крайней мере, начало тех грандиозных сооружений, которыми были осушены обширные площади в самом Риме, прежде страдавшие от наводнений, а теперь сделавшиеся удобными местами для жилищ. Были построены здания для сената, судебных заседаний, кафедра для ораторов, новый рынок, наконец, царский дворец, место для игр, несколько храмов. Предание связывает разные эти сооружения с именами разных царей, — это недостоверно, достоверно лишь то, что возникли эти здания в глубокой древности, и вскоре после того, как Рим занял первенствующее положение в латинском союзе.

Глава V. УМБРО-САБЕЛЬСКИЕ ПЛЕМЕНА. ЭЛЛИНЫ В ИТАЛИИ. МОРСКИЕ ДЕРЖАВЫ

**Поселения умбров, самниты. Этруски.
Земледельческие и торговые колонии греков в
Италии. Движение греков остановлено
этрусками и карфагенянами.**

Умбро-сабельские племена двинулись на полуостров позднее латинов. Географические названия свидетельствуют, что некогда эти племена занимали всю Северную Италию до реки По. Затем они были частью вытеснены отсюда этрусками, частью покорены: чрезвычайно быстрая латинизация южных областей Этрурии после покорения римлянами объясняется, конечно, присутствием тут умброского, родственного латинам, населения. Сабины, часть умбров, теснимые этрусками, двинулись к югу, но при этом могли занимать только гористые местности, так как более удобные равнины были раньше заняты латинами. Неизбежные столкновения с этими соседями значительно ослабляли сабинов. Другая часть умброского племени двинулась к востоку и заняла гористую область абруццов. Как всегда бывает в горных местностях, и эти поселенцы разделились на несколько племен — самнитов, пицентов, гирпинов, марсов и др., но свое близкое племенное родство все они отлично сознавали и

чувствовали. Удаленные от сильных соседей, эти племена вели спокойную жизнь и сохранили свои силы. Политическая жизнь у них развивалась слабо, и в исторических событиях на полуострове они принимали вообще сравнительно малое участие. Только самниты впоследствии выдержали серьезную борьбу с Римом, но и они лишь оборонялись, — отдельные их общины были сплочены слабо, оставались почти самостоятельными и не могли устоять против сил Лациума, твердо руководимых Римом.

Ближайшие соседи римлян с севера, этруски, или разенны, как они сами себя называли, были индоевропейцы, — и это все, что можно сказать о них положительно. По внешнему своему облику, по языку и по религии они стоят совершенно особняком среди других отраслей индоевропейского племени. На полуостров они явились сухим путем и долго жили в области Ретийских Альп и в долине По. Потесненные затем кельтами, они спустились южнее и заняли область между реками Арно и Тибром, частью вытеснив умбров.

Первоначально этруски жили общинами, как греки и латины. Затем появились у них города, управляемые царями и объединенные в слабо связанные союзы, состоявшие обыкновенно из двенадцати городов. Этруски имели мало

склонности к военному делу и гораздо больше к торговле. С римлянами они долго имели сношения по преимуществу торговые и, вообще говоря, мирные: отдельные лица и целые семейства их рано стали переселяться в Рим, и последний римский царь Тарквиний был, несомненно, этрусского происхождения, что доказывается именами всех членов его семьи и открытым в Цере семейным склепом его рода, но вообще Этрурия не имела сколько-нибудь значительного влияния на Рим.

Новые народы являлись в Италию сухим путем, и тем же путем долго шли торговые сношения — например, к устью По с севера доставлялся янтарь, и в греческих сагах По является его родиной, — но все элементы чужеземной культуры были ввезены в Италию морем. Раньше других народов завели мореходство по Средиземному морю финикияне, а так как в те времена плавали почти исключительно вдоль берегов, то Италия была для финикийцев почти что самую отдаленную страну, и к тому времени, когда они ее достигли, там уже прочно утвердили свои торговые связи греки. Что римляне узнали финикийцев позже, чем греков, и через их посредство — видно и из того, что они называли их тем же именем пунийцев, которым звали их и греки. Из эллинов прежде других проникли в Италию, по-видимому, малоазиатские ионийцы. За

ними последовали представители и всех прочих греческих племен.

В Италии греки чувствовали себя приблизительно так же, как европейцы в Америке: на новой родине, среди чужих, представители разных греческих племен яснее сознавали свое родство и легче смешивались между собою. Но можно все-таки видеть, что Кумы и Регион в Италии, Занкла (Мессана), Катана, Накс, Леонтина и Гимера в Сицилии были заселены по преимуществу ионянами, Сиракузы и другие колонии в Сицилии и Тарент в Италии — дорянами, Сибарис и другие города так называемой Великой Греции — ахейцами (ок. 800–850 гг.). Каждая из этих трех групп городов придерживалась, между прочим, и той монетной системы, какая существовала у нее на родине.

Время греческих поселений определяется тем, что в песнях Гомера о западной части Средиземного моря нет сколько-нибудь точных сведений, Гесиод же знает уже Сицилию, но Италию считает островом, а римляне знали эллинов под тем именем — греков, — которое еще употребляет Гесиод, но которое вскоре после него вышло в Элладе из употребления. Древнейшим поселением греков в Италии были, по-видимому, Кумы в Неаполитанском заливе — так можно думать потому, что греки долго звали всех

италийцев опиками, по имени небольшого племени, жившего по соседству с Кумами. Итальянские греки поддерживали тесные связи со своею родиною и постоянно чувствовали себя эллинами.

Из колоний ранее других достигли процветания ахейские, среди которых наиболее значительным был город Сибарис. Эти колонии возникли в чрезвычайно плодородной местности, и жители их, закабалив туземцев, пользовались полным благосостоянием. Они даже и торговлей почти не занимались, и в беззаботном существовании, почти не требовавшем труда, греки утратили здесь лучшие стороны своего духовного строя. Государственное устройство этих колоний вылилось в формы ужаснейшей олигархии, которая вызвала вспышки яркой реакции, после чего колонии эти утратили почти всякое значение, влияния на ближайшие области они вообще почти не имели.

Все другие греческие колонии в Италии были основаны с целями торговыми, земледелие стояло в них на втором плане. Наибольшего торгового и промышленного процветания достиг Тарент, — его монеты встречаются на самом широком пространстве и чаще, чем монеты какой-либо другой греческой колонии в Италии. Тарент был лучшею из числа немногих гаваней Италии на Адриатическом море. Несмотря на относительную близость восточного берега Италии, сношения

греков с западным ее берегом были живее: Тирренское море известно было уже Гомеру, — сюда помещала сага приключения Одиссея; поселения греков здесь встречаются по всему побережью вплоть до острова Эльба. Но здесь, на почве латинов, греки не поработили туземцев, а сделались, быть может и против желания, их учителями в деле мореходства и торговли. В общем, у греков с латинами установились дружелюбные отношения — не так, как с этрусками, имя которых у греков долго служило синонимом жестокости и враждебности: этруски боролись с греками, потому что сами вели значительную морскую торговлю и занимались пиратством. Обширная торговля и смелое каперство¹ и доставили этрускам то богатство и ту роскошь, в которых скоро истошились силы нации.

Мы уже сказали, что эллины ранее финикийцев установили прочные торговые связи с Италией, они захватили в свои руки всю торговлю в восточной части Средиземного моря вообще и вытеснили оттуда финикийцев. Но далее финикияне их не пустили. Невозможность находить новые рынки заставила наконец и не любивших войны пунийцев взяться за оружие, а Карфаген достиг к

¹ Каперство — морской разбой.

этому времени такого могущества, что, заключив союз с этрусками, мог уже задержать греков: в 579 и 537 гг. финикияне и этруски отразили попытки эллинов основать колонии в центре финикийских владений на Сицилии и Корсике, вблизи Этрурии, после этого греки уже не могли двигаться на запад, они основали только Липару на островах между Италией и Сицилией, и из западных их колоний процветала Массалия. Господство в западной части Средиземного моря твердо держали в своих руках союзники карфагеняне и этруски, но союз их был лишен внутренней прочности, так как союзники друг другу не доверяли и соперничали между собою.

Глава VI. ЗАКОНЫ. РЕЛИГИЯ. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И РЕМЕСЛА. НАЧАТКИ НАУК И ИСКУССТВ

Преступления против государства и против частых лиц, наказания. Отношения римлян к божеству. Коллегия авгуров и фециалов. Религиозность римлян. Привязанность римлян к земле. Развитие частной земельной собственности. Аренда земли. Ремесла. Торговля внутренняя и заморская. Счисление. Календарь. Письмо. Зачатки искусств.

Римское право в древнейшей своей кодификации,² составленной приблизительно через 300 лет после основания Рима, является законодательством значительно развитого земледельческого и торгового города. Следы многих древнейших институтов, например кровавой родовой мести, которые у других народов существовали еще на глазах истории, в римских законах сохранились лишь в самой слабой степени: латины вообще выступают на историческое поприще уже в более позднем периоде цивилизации, чем, например, греки или германцы.

Основанием права является государство. Свобода гражданина — это есть определение, только другими словами, обязанностей, которые несет гражданин перед государством. Общественное, государственное право и частное право определенно разграничены. Преступления против первого — измена, убийство, поджог, похищение хлеба с полей и некоторые оскорбления нравственности — судились по почину общинной власти и обыкновенно наказывались смертью. Преступления частного характера — в число их

² Кодификация — законодательная деятельность по приведению в систему законов или их части

включалась и кража — судились только по жалобе пострадавшего, могли ограничиваться примирением, наказывались штрафами или розгами, и в крайнем случае обидчик, если он не был в состоянии своим имуществом возместить причиненный им вред, выдавался во власть обиженного.

В римском праве постановления просты, ясны, точны. В договорах принимается только ясно определенное выражение воли. Всякий символизм, играющий большую роль в древнейшем законодательстве многих народов, римскому праву совершенно чужд. Вообще римское право очень сурово, но нельзя не подчеркнуть, что в нем с древнейших уже времен не существовало пыток, тогда как в праве других народов они держались долго и были устранены только после продолжительной борьбы. Вся судебная власть принадлежала общине, суд производился царем, который, если хотел, для производства следствия и постановляя приговор пользовался советниками из числа сенаторов.

С римскою религиею в ее древнейшем виде мы знакомимся по списку праздников, который составлен был еще в то время, когда ни одно греческое божество не получило места среди римских. Первое место занимают в нем праздники Юпитера и Марса, затем идут праздники

земледельческие и винодельческие, за ними уже пастушеские: приносились жертвы кормилице-земле, богине плодородия Церере, богине размножения стад, божеству изобилия, Юпитеру как покровителю виноделия, покровителю стад, совершались праздники в честь морских богов, в честь Тибра, в честь бога огня Вулкана, наконец, справлялся ряд домашних праздников: богини дома Весты, Пенатов, умерших и т. д.

В то время как греки представляли себе всякое божество личностью, наделяли его ярко определенной индивидуальностью и около каждого бога создавали целый цикл глубоких и поэтических мифов, римляне старались выяснить себе все сколько-нибудь значительные явления, действия, свойства и затем, признав за каждым из них своего бога, стремились только узнать, как именно к этому богу обращаться, чтобы вернее и легче склонить его на свою сторону. Римская религия была отмечена характером задушевности и искренности, но не отличалась возвышенностью, идеальных элементов в ней немного, совершенно чуждо римлянам и обожествление героев. Идея, что земные преступления суть проступки пред божеством и что божество примиряется только с наказанием преступника, была распространена и у римлян, но человеческих жертвоприношений, общих другим

народам, у них не было — только слабые следы таких жертвоприношений можно видеть в некоторых примерах казни уже обвиненных преступников и в тех случаях, когда в битве какой-нибудь великодушный человек бросался на верную смерть, которая должна была привлечь на сторону его войска милость богов.

Римская религия была основана главным образом на привязанности к земным благам и уже в гораздо меньшей степени на страхе пред грозными силами природы. Боги внушали римлянину и страх, но не тот, который охватывает душу при мысли о всемогущей природе или вседержателем божестве. Римлянин искал от своих богов помощи, но прежде всего помощи в своей действительной, трудовой жизни. Римлянин как бы вступал в договор с божеством и ждал, что боги будут к нему благосклонны в каждом случае, когда он со своей стороны точно и добросовестно исполнит пред ними свои обещания и обязательства. Римлянин и старался их исполнить, но и тут он оставался точным и деловитым: ни излишняя роскошь богослужения и жертвоприношений, ни излишняя фантазия в поклонении не были в духе римлян.

Для исполнения всего нужного по отношению к богам у римлян издревле существовали жрецы и особые их коллегии для служения Марсу и Юпитеру — «Марсов возжигатель», «скакуны»,

«куриальные возжигатели» и «возжигатели Юпитера», получившие впоследствии первое место. Наряду с жрецами у римлян существовали еще авгуры, понтифики, фециалы: это были совершенно самобытные латинские учреждения, представлявшие собою коллегии сведущих людей, специально занятых общими богослужебными порядками, изучением способов, как лучше всего сноситься с богами, понимать их волю и знамения. Эти люди не служили богам, не приносили жертв, но они учились истолковывать, что предвещают те или другие явления, наблюдавшиеся при жертвоприношении; когда угодно божеству начало того или другого предприятия. В частности, авгуры занимались гаданием по полету птиц, понтифики были хранителями точных знаний — мер, весов, счисления времени, почему впоследствии на их обязанность было возложено вообще наблюдение за богослужебными порядками, фециалы хранили международные договоры и законы. Ни один жрец, ни один понтифик не мог никогда претендовать на какое-либо значение в делах управления, они могли советовать лишь тогда, когда их спрашивали, и были обязаны наравне со всеми гражданами повиноваться должностным лицам.

Римская религия, в противоположность греческой, не только не содействовала развитию художественной и философской деятельности, но

подавляла их. Неолицетворенные римские боги не нуждались в художественных изображениях, и когда такие изображения появились, они были встречены первое время с осуждением. Отсутствие всякого творчества, всякой фантазии в сфере религиозной было причиной, что и впоследствии фантазия не развивалась и римская поэзия и римская философия никогда не поднялись над уровнем посредственности. Но римская религия именно потому, что была низведена к обыденным понятиям, была для всякого понятна и доступна. Она удовлетворяла глубоким духовным потребностям простых людей и благодаря своей простоте и наивности держалась твердо даже и тогда, когда греки утратили всякую веру, разрушенную тем самым развитием наук, искусств и философии, которое было призвано к жизни прежде всего творчеством в области религии. Насколько греки остаются недостижимым образцом всестороннего развития человеческого духа — настолько римляне велики строго самобытным развитием своего духовного уклада. Римская религия не была исключительна и не препятствовала усвоению и чужих богов: уже в самой глубокой древности у римлян распространилось поклонение разным латинским богам, а затем и греческим — Аполлону, Гермесу, Геркулесу, Асклепию, Диане. Религия же этрусков,

несмотря на близкое соседство, не прививалась в Риме: со своими мрачными и злобными богами, подчиненными еще каким-то другим, высшим, со своими запутанными, натянутыми толкованиями числовых сочетаний, она стояла слишком далеко от латинских воззрений. Как ни недостаточны сведения наши о религии этрусков, несомненно отсутствие в римской религии каких-либо заимствований из нее.

В нескольких хотя бы словах мы должны сказать и о земледелии, ремеслах и торговле римской общины, а также о состоянии в ней первоначальных знаний — о письме, счислении времени, потому что земледелие и торговля тесно связаны с внутренним устройством государства и его историей, а состояние знаний и искусства яснее всего определяет уровень умственного развития общества.

Италийцы поселились на полуострове уже земледельцами. Сельское население считалось у них исконною опорой государства, и основное звено общины составляли хозяева земельных участков. Когда с течением времени прямые потомки первых жителей Рима утратили большую часть земли, первоначально им принадлежавшей, все жители Рима по Сервиевой реформе поделены были, без различия происхождения, на оседлых хозяев и пролетариев и только на первых были

возложены все общинные повинности, взамен чего только им же даны были и полные права.

Всякий раз, когда римляне войною приобретали какую-нибудь область, они, можно сказать, вторично завоевывали ее плугом: или они прямо принуждали жителей слиться со своей общиной, или брали часть земли, приблизительно треть, и заселяли ее своими колонистами; других даней или контрибуций они не брали. Такие завоевания плугом оказывались особенно прочными, римляне никогда не заключали мира с территориальными уступками именно потому, что земледельцы были чрезвычайно привязаны к своей земле. История Рима доказывает как нельзя лучше, что сила и государства, и частных лиц всего более основывается на господстве над землею. Величие и сила Рима объясняются непосредственным владычеством его граждан над землею.

Первоначально земля находилась в общинном владении родов, частная собственность состояла в движимости и в скоте, но уже ко временам Сервия и земля находилась в частном владении, преимущественно участками средней величины. Собственник по закону не был ограничен в распоряжении своею землею, но обычай и мудрость народная полагали благоразумные пределы дроблению земельной собственности. В случае значительного увеличения мужского населения

общины дальнейшего дробления участков избегали тем, что выводили колонии на вновь приобретенные участки. Земля обрабатывалась преимущественно для разведения полбы.³ В глубокой древности занимались римляне и виноделием. Разведение маслины началось уже позже — ив религиозных обрядах масло и масличная ветвь играли гораздо меньшую роль, чем вино и виноградная лоза.

Так как возможно было дробление участков, то, естественно, являлось возможным и скопление их в одних руках: сравнительно большие земельные имущества встречались уже в древнейшее время. В таком случае собственники обыкновенно обрабатывали их не руками рабов, как бывало впоследствии, а раздавали мелкими участками в пользование бедным свободным земледельцам, а иногда и рабам. Закон в эти отношения не вмешивался, и они сложились на нравственной основе. Рабы-арендаторы находились далеко не в том положении, в каком были впоследствии рабы-дворовые, которые к тому же были обыкновенно другого племени. Рабы-арендаторы приближались по своему положению к свободным, и среди них вырабатывались люди с такими

³ Полба — злак, разновидность пшеницы.

привычками и склонностями, что доставляли превосходный материал для основания колоний. Простейшие ремесла известны были в Риме с самой глубокой древности: еще ко временам Нумы относилось начало восьми цехов наиболее необходимых ремесленников. В древности положение ремесленников в Риме было несравненно почетнее, чем впоследствии, когда в число их вошла масса рабов. Оно стало ухудшаться уже с Сервиевой реформы, по которой полноправными признаны были только землевладельцы.

Торговля римлян первоначально ограничивалась пределами Италии и производилась на ярмарках, из которых главная собиралась у горы Соракта. Орудием обмена были быки и бараны, 10 баранов приравнивались одному быку, но уже издревле стала орудием обмена и медь. И заморская торговля началась очень рано, на почве Италии найдено множество предметов древнейшей промышленности Греции и Малой Азии. Сношения с заморскими странами отразились и в языке: названия некоторых предметов домашней утвари, некоторых лакомств, некоторых мер, весов, письма несомненно заимствованы из греческого языка. Всевозможные привозные предметы найдены в наибольшем количестве в Этрурии, значит, Этрурия вела наиболее оживленную торговлю и,

по-видимому, с Аттикой: в этрусском языке многие собственные имена встречаются именно в таких формах, какие они имели в аттическом наречии.

Подобного же рода факты свидетельствуют, что Лациум по преимуществу торговал с дорийцами и, несомненно, в сицилийских их колониях: в Сицилии среди населения, говорившего по-гречески, было распространено латинское название меди и торговой ссуды. Очевидно, что латинские купцы появлялись часто на острове, иначе такое заимствование не могло бы привиться. Торговою гаванью Лациума был Рим — он и занял исключительное положение потому, что был средоточием деятельной земледельческой общины и оживленным торговым пунктом.

Мы уже говорили, что италийцы знали десятичную систему счисления еще до разделения с греками. Рядом существовал и счет дюжинами, по двенадцати, вероятно в зависимости от сравнения лунного года с солнечным. Меры емкости, употребление которых необходимо при торговле, рано подверглись в Италии греческому влиянию: римский вес был приведен в полное соответствие с аттическим, преобладавшим в Сицилии. У греков же заимствовали латины знаки для 50, 100 и 1000 — прежде они довольствовались знаками для 1, 5 и 10 (I, V, X), комбинацией которых они выражали и все другие числа.

Способы счисления времени только впоследствии были согласованы с греческими, первоначально же они развивались совершенно самостоятельно: счет вели по дням лунных фазисов, и отсчитывали не число дней, прошедших от последнего фазиса, а число дней, остающихся до ближайшего нового. Долгое время день был наименьшею единицею времени. Соседственные племена латинов началом дня считали то полночь, то полдень, следовательно, деление дня на части явилось уже позже. Наибольшею единицею времени долго служил месяц. Названия месяцев у римлян совершенно самостоятельны сравнительно с греческими их наименованиями, но в более точную систему измерение времени приведено было уже под греческим влиянием, причем были согласованы периоды лунный и солнечный, хотя крайне несовершенны. Начиная римский год с весны, и первый месяц назывался по имени бога Марса, имя второго месяца этимологически означает появление молодых растений, имя третьего — их возрастание, четвертого — цветение, следующие шесть месяцев назывались первоначально по порядку — пятый, шестой и т. д. до десятого, название одиннадцатого месяца — *ianuarius* — этимологически связано с корнем, значащим «начинать», и обозначало, вероятно, время приготовлений к возобновлению полевых

работ, имя двенадцатого месяца — febrarius — имеет корень, значащий «очищать». Месяцы были: четыре по 31 день, семь по 29 и один в 28, всего в 12 месяцах 355 дней; через каждые три года прибавлялся еще один день в феврале, и через каждый год вставлялся еще один месяц в 27 дней. Путем таких сложных добавлений римский год — или, точнее, четырехлетний период — приближался к истинному, но все же очень несовершенно. Месяцы делились на 4 части, тоже неравной величины, обозначавшиеся по имени первого дня первой, второй и третьей недели. У других италийцев календарь был еще сложнее и еще менее точен — в Альбе, например, длина месяца колебалась от 16 до 36 дней.

Одно из величайших изобретений человека — умение записывать звуки речи — было плодом совокупных усилий семитов и индоевропейцев: семиты ранее стали употреблять азбуку, но они записывали только согласные звуки, а гласных не писали. Знаки для гласных были добавлены — независимо друг от друга — индусами и греками. От греков переняли азбуку и этруски, и латины — последние позже, но тоже непосредственно от эллинов. Это совершилось еще до эпохи царей, существование письменности при царях уже несомненно.

К изящным искусствам латины были

способны несравненно менее, чем эллины. Конечно, уже в древнейшую эпоху была известна у латинов пляска и сопровождавшая ее музыка, рано стала применяться и размеренная речь — прежде всего в гаданиях, в передаче велений бога, которые слышались жрецам в шелесте листьев священного дерева. Рано слагались песни хвалебные — для пиршеств и погребений — и сатирические. В веселом «празднике сытых» создались зачатки народной комедии.

У латинов были, таким образом, зародыши всех тех искусств, которые расцвели у эллинов таким пышным цветом, но у латинов они заглохли в силу особенностей духовного их склада. Эллинское влияние, издавна замечаемое у латинов, оказалось бессильно тут что-нибудь изменить, и в то время, как в Элладе изящные искусства приобретали значение драгоценнейшего и общего достояния всех эллинов, в Риме они стали делом ремесленников и несвободных людей. Только в области зодчества латины могут быть названы лучшими учениками эллинов, через них это искусство затем перешло и к другим народам Европы. Во всяком случае, только у эллинов, и непосредственно у них, заимствовали латины начатки искусств, о финикийском же или этрусском влиянии не может быть и речи, у финикийцев и у этрусков латины кое-что покупали, но учились они

только у эллинов.

Книга вторая ОТ УПРАЗДНЕНИЯ В РИМЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ ДО ОБЪЕДИНЕНИЯ ИТАЛИИ

Глава I. ИЗМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

**Политическая борьба внутри римской общины.
Изгнание царей. Консулы. Курия и центурия.
Сенат. Экономическая борьба, аграрный вопрос,
бедные и богатые. Народные трибуны. Борьба за
писанные законы. Децемвиры и Законы XII
таблиц. Классовая борьба за уравнивание
сословий. Государство после уравнивания
сословий.**

История Рима более известна нам в подробностях с того времени, когда внутри общины шла троякая борьба. В среде полноправного гражданства развивались стремления к изменению формы государственного устройства, неполноправные члены общины стремились получить полноправие, люди, находившиеся в

тяжелом экономическом положении, боролись против зажиточных. Эти движения многообразным образом сталкивались, переплетались, приводили иногда к результатам непредвиденным и создавали основания и поводы к дальнейшей борьбе.

Древнейшим проявлением такой борьбы была отмена звания пожизненного главы государства, т. е. уничтожение царской власти. Из самого организма латинских и греческих общин такая перемена вытекала естественным путем, цари существовали и были уничтожены и в других общинах. Из баснословных преданий об изгнании царя Тарквиния нельзя выделить фактических подробностей, но ясно видны причины раздражения народа: царь не советовался с сенатом, несправедливо постановлял приговоры о смертной казни и о конфискации. Могущественный род, долго господствовавший в Риме, уступил не без борьбы, но подробности ее в предании представлены, несомненно, неверно.

По изгнании царя народ клятвенно обязался никогда не допускать восстановления царской власти, само имя «царь» навсегда осталось в Риме ненавистным. Но, строго говоря, царская власть не была уничтожена, а с чисто римскою практичностью найден был способ сохранить сильную власть во главе общины и в то же время

ограничить эту власть. Власть вручена была теперь не одному лицу и не пожизненно, а сроком на год и двум лицам — консулам, само имя «consul» значит «товарищ». И тот и другой консул обладали всею полнотою власти, но обязательны были только те распоряжения, которые исходили от обоих консулов, в случае же несогласия одного консула приказание другого не имели силы. Консулы не были обязаны разделять сферу своих действий, и каждый мог изменить распоряжение своего товарища, но в целях удобства они обыкновенно разделяли между собою главные отрасли управления или чередовались в главном распоряжении ежемесячно или ежедневно.

Коллегиальность и срочность консульской власти, вполне подобной власти царя, влекли за собою, однако, важные ограничивающие ее последствия. Консулы уже не были, как прежде цари, неответственны пред законом: консула по истечении срока его власти можно было за преступления привлекать к суду; консулы уже не могли возлагать на граждан обработку своих земель, что мог сделать царь; затем уже с самого учреждения консулы были обязаны предоставлять осужденным право апелляции, и не только в случае смертных приговоров, а и в случае наложения крупных штрафов — и постепенно это право апелляции все расширялось и расширялось. В

скором времени фактическое отправление правосудия было поручено двум новым чиновникам, квесторам, затем в их заведование перешли и финансы. Квесторов назначали консулы, квесторы обязаны были безусловно повиноваться консулам, но консулы ничего не могли сделать без их ведома и содействия.

По истечении годового срока своих полномочий консулы должны были, как прежде цари, назначить себе преемников, но это было лишь формальностью: они обязаны были назначить консулом того, кого указывала община. Фактически консулы могли влиять на избрание, например отстранять иных кандидатов, но постепенно свобода общины в выборе консулов расширялась, однако консул по собственному произволу выбирал себе товарища на случай смерти другого консула. При особо важных обстоятельствах каждый из консулов мог назначить диктатора. Диктатор пользовался первоначально неограниченными полномочиями; он, однако, обязан был немедленно избрать себе помощника, который получал название «magister equitum». Полномочия диктатора оканчивались вместе со сроком пребывания во власти того консула, который его назначил, и во всяком случае не могли продолжаться более шести месяцев.

С устранением пожизненных царей, таким

образом, римская община получила важные права: право указывать, кого желала она иметь во главе, право рассмотрения апелляций. И в самой общине произошли значительные перемены. Почти бесправная прежде толпа теперь заключала в своих рядах немало людей выдающихся и богатством, и личными достоинствами. Пока над общиной стояла неограниченная власть царя, который был настолько же выше патриция, как и плебея, пока сама община не принимала непосредственного участия в делах управления — исключительное положение патрициата не чувствовалось особенно резко, но теперь прежнее положение не могло сохраняться: общинная организация была реформирована в том смысле, что на всех было распространено то устройство, которым прежде пользовались патриции, и в то же время не всем предоставлено было право принимать участие в делах. Все жители Рима, кроме рабов и чужеземцев, были расписаны по куриям, на которые прежде делились лишь патриции, но за куриями оставлены были только формальные акты — утверждение завещаний и усыновлений, присяга консулу и диктатору и т. п., права же политические — выбор должностных лиц, рассмотрение апелляций — не были предоставлены куриям, так как это было бы равносильно учреждению полной демократии; решения по таким делам постановлялись теперь по

центуриям — так назывались совещания людей, исполнявших военную службу, следовательно более зажиточных.

Сенат с упразднением царской власти сохранил все свои права и даже получил еще большее значение. Одобрение его считалось совершенно необходимым для всяких решений, срок действия которых должен был простираться далее срока власти консула, но и его коснулась реформа: в ближайшее же к изгнанию царей время в сенате являются рядом с «отцами» еще и «приписные» — так назывались введенные в сенат плебеи, они не могли обсуждать дел, но принимали участие в решении, переходя при голосовании на сторону тех, с мнением кого были согласны. Во всем остальном организация сената осталась старая. Число сенаторов, считая и с «приписными», было прежнее — 300. Новые сенаторы назначались консулами, как прежде царями, и можно думать, что сенат становился по составу «отцов» даже аристократичнее, потому что царь, стоявший одинаково выше всех, легче мог ввести в сенат плебея, чем консул, принадлежавший по происхождению к аристократии и тесно с нею связанный. В скором времени было постановлено, что освободившиеся места сенаторов замещаются не сразу, а через три года, в четвертый, при новом цензе, — и это еще более ограничивало произвол

консулов в пополнении сената.

Совершившаяся в Риме революция была, если можно так сказать, консервативна: с устранением царской власти резкой перемены в государственном устройстве не произошло; будущему предстояло решить, как разовьются, какие дадут результаты совершившиеся перемены, как пойдет жизнь общины при вновь созданных условиях — в согласии ли, к одной ли общей цели, или возникнут новые столкновения. Во всяком случае, в эту эпоху было заложено основание римскому гражданству в позднейшем смысле этого слова. Плебеи еще далеко не достигли равноправия, патриции сохраняли еще и политические и экономические преимущества: из числа их избирались все должностные лица, только патриции имели право пользоваться общинными пастбищами. Но право апелляции ко всей общине уже значительно обеспечивало личность каждого плебея, а право подавать голоса в сенат было хотя первым, но самым трудным шагом к уравниванию сословий. Старинная знать вместе с тем, не пополняя своих рядов, как прежде, наиболее выдающимися людьми, обращалась все более и более в тесный, строго замкнутый круг, который всегда обречен, рано или поздно, на вымирание и утрату прежних привилегий.

Дальнейшее развитие во внутреннем

устройстве общины вообще должно было идти неизбежно по пути уравнивания сословий, и в то же время ясно обозначилось стремление строго оградить римское гражданство от новых элементов со стороны: римлянин должен был резко отличаться от чужеземцев, в сердца народа глубоко проникло сознание зарождавшегося могущества и национального единства — и никогда уже оно не покидало римлян до самого конц'а их истории. Все происшедшие в Риме реформы и революции потому и были плодотворны, тем и были велики, что никогда не имелось в виду ограничивать права самого государства, защищать против него так называемые естественные права отдельных лиц, а все усилия направлялись лишь на ограничение произвола высших представителей власти в государстве.

Таково было существенное, главное значение происшедшего переворота, но выяснилось все это только впоследствии, современники же, как это часто бывает, ощутили последствия совершившегося с другой стороны — именно они почувствовали усилившееся значение богатых людей.

Вскоре после изгнания царей аристократия приняла ряд мер, направленных к выгоде небогатых людей: были понижены портовые пошлины, удешевлены хлеб и соль, введено как общее

правило, что денежные штрафы должны по возможности соразмеряться с имущественным положением наказуемого, так что богатые облагались штрафами значительно большими, чем бедные. Но в то же время с большею силою, чем при царях, стали развиваться и такие явления, которые обращались к отягощению беднейшего класса. Собираение всех сколько-нибудь значительных государственных доходов было отдаваемо на откуп, при тогдашнем состоянии административных органов такой порядок был во многих отношениях удобнее для государства и для населения, но этим путем скопились очень большие капиталы в руках тех зажиточных людей, которые одни только и могли вступать в такие предприятия.

Страдали беднейшие граждане и от порядков пользования общественною землею: по закону право на аренду ее имели лишь патрицианские роды, плебеи же были из него исключены; при царях допускались нередко отступления и в пользу плебеев, но при господстве аристократического сената все мелкие плебейские землевладельцы были решительно устранены от пользования общинными землями, только членам сената из плебеев предоставлялось это право — и они всегда поддерживали все решения об общинной земле, принимаемые патрицианскими членами сената. Вместе с тем сенат стал все реже и реже

производить раздачу в собственность участков вновь приобретаемой земли и всегда раздача обращалась к выгоде богатых землевладельцев. Эти последние начинали все чаще и чаще обрабатывать свои земли не руками свободных фермеров, а руками рабов; если же и отдавали свои земли в пользование свободным людям, то лишь в тех случаях, когда люди эти благодаря различным долговым обязательствам находились в полной от них зависимости. Это грозило не только разорением, но и полной деморализацией менее достаточного класса.

И скоро среди него с ужасающею быстротою стала распространяться нужда.

Уже через какие-нибудь 15–20 лет после изгнания царей вспыхнуло в Риме народное волнение на почве борьбы бедных против богатых. Строгое применение долговых законов так раздражило тех, кому пришлось пострадать от них, что во время одной серьезной войны множество призывных отказались выступить в поход. Тогда консул Публий Сервилий временно приостановил действие долговых законов — земледельцы явились в войско, и Рим одержал победу. По окончании войны прежние законы были восстановлены во всей строгости — на следующий год снова повторилось то же сопротивление плебеев, и только благодаря избранию в диктаторы популярного аристократа

Манья Валерия удалось снова собрать воинов. Когда же и на этот раз по миновании опасного момента сенат обнаружил решительное нежелание сделать что-либо для облегчения финансового положения отягощенных долгами, плебейская армия ушла и расположилась лагерем на одном холме около Крустумерии, между Тибром и Анио, как бы намереваясь основать там свой город. Тогда сенат уступил и благодаря влиянию диктатора удалось достигнуть примирения, клятвенно подтвержденного затем всею общиною.

Кроме принятых немедленно частных распоряжений в облегчение наиболее отягченных долгами была введена серьезная реформа во внутреннее управление государства: решено было ежегодно выбирать кроме двух патрицианских консулов двух плебейских трибунов, выборы которых должны были производиться в собраниях по куриям, т. е. в тех собраниях, где имел голос каждый гражданин. Власть народного трибуна была бессильна вне города, пред военною властью консула, но в гражданском отношении она была вполне равною консульской. Трибуны получили по отношению к каждому консулу такие же права, какие принадлежали каждому консулу по отношению к его товарищу: трибун мог своим «veto» остановить всякое действие власти — судебное разбирательство, наказание; трибун мог

привлечь к ответу и постановить решение относительно всякого должностного лица, даже и относительно консула, не дожидаясь истечения срока его полномочий; апелляция на решение трибуна допускалась только к тому же собранию по куриям, которое выбирало трибунов и где плебеи играли преобладающую роль. Это было, конечно, насилие и несправедливость: на с каким законом несогласимо, что патриций призывался к ответу перед такими властями, которые избирались не всем гражданством, а одною образовавшеюся внутри гражданства группою людей, и к этой же самой группе должен был апеллировать на ее избранников. До какой степени обострились отношения бедных к богатым — всего лучше видно именно из того, что пришлось узаконить такую явную несправедливость. Власть и личность каждого трибуна были ограждены самыми суровыми наказаниями не только за нападение на него, но даже за противодействие ему. Вообще власть консула и власть трибуна были почти одинаковы: власть консула была полнее, потому что простиралась и на войско, власть трибуна — неограниченнее; по характеру своему власть консула была активной, власть трибуна — задерживающею, пассивною.

Учреждению трибунов иные приписывали очень благотворное значение, утверждая, что

именно трибуны избавили Рим от опасности тирании. Но, во-первых, тирания не возникла ни в одном из латинских государств потому, конечно, что тирания всегда является следствием всеобщей подачи голосов, а италийцы дольше, чем где-либо, не допускали до участия в решении государственных дел тех, кто не имел собственности, и как только Рим отклонился от этого правила, он тотчас обратился в монархию — и не без участия в этом трибунской власти; во-вторых, если бы даже действительно трибуны сохранили в Риме республику, то и это не имеет большой важности: для народа важна была не форма правления, а улучшение его состояния. Между тем учреждением трибуната в этом отношении ничего не было сделано. Трибунат принес временное успокоение, потому что давал немедленную помощь и этим бросался в глаза, существенных же облегчений он не доставлял. Зло было не в том, что жестоко или несправедливо применялись законы, а в том, что сами по себе законы были дурны, что обложение налогами было несправедливо, пользование государственными землями бессовестно, долговые законы жестоки. И ни в чем этом с учреждением трибунов улучшений сделано не было. Предоставление вождям оппозиции законного права veto было смелую, но безобидною попыткою. Трибунат явился

могущественным средством борьбы — и только. Он надолго выбил из колеи правильную жизнь государства и способствовал тому, что долго паллиативами боролись против зла, которое требовало серьезного лечения. О мощном духе римской общины свидетельствует не то, что она ввела такое учреждение, а то, что она его вынесла.

В первые десятилетия существования трибунов положение в римском обществе нельзя назвать иначе как состоянием узаконенной анархии и междоусобия. Две организованные партии стояли друг против друга, и одна стремилась к ограничению консульской власти и расширению трибунской, другая — к уничтожению трибуната. Трибуны прекращали всякую законную юрисдикцию, их противники прибегали к подкупам, убийствам, на улицах не раз доходило до вооруженных столкновений. На почве этой борьбы разыгрались: сильно украшенная легендами история Кориолана (491), попытка Аппия Гердония с шайкою сообщников овладеть Капитолием (460), преобладание в администрации рода Фабиев (485–479) и истребление почти всех его представителей на берегах реки Кремеры (477), наконец, тайное убиение трибуна Гнея Генуция накануне назначенного им суда над обоими консулами (473).

В результате совершавшейся борьбы явились

так называемые Публиевские законы (471), в силу которых старое голосование по куриям, где аристократы могли оказывать влияние через своих вольноотпущенников, было заменено голосованием по вновь учрежденным округам — трибам, которых было установлено теперь 21. В трибах голосовали одинаково все граждане — и патриции, и плебеи, вольноотпущенники же были из триб исключены, а это значительно ослабило влияние аристократии; вместе с тем решения этих плебейских сходок были признаны наравне с голосованием по центуриям за решения всей общины.

В 486 г. консул Спурий Кассий внес серьезный аграрный закон, направленный к тому, чтобы пользование государственными землями предоставить всему гражданству, даже и союзникам из латинов. Его предложение встретило страстный отпор аристократии, а намерение консула наделить землю и латинских союзников дало возможность возбудить против него злобу и бедных римских граждан. Спурий Кассий погиб, и законы его остались неосуществленными — но призрак их постоянно витал и, пугая одних, поддерживал чаяния других.

С 462 г. началась борьба за издание писанных законов, в этом году трибун Гай Терентил Арса потребовал, чтобы законы были изложены письменно и чтобы впредь консулы судили по ним,

а не по устному преданию, сохранявшемуся в патрицианских семьях. Сенат упорно сопротивлялся этому требованию, а плебеи 10 лет подряд выбирали трибунами тех же людей, которые подняли этот вопрос и теперь мышление тормозили все распоряжения консулов, чтобы принудить сенат к уступке. Наконец обе стороны пришли к убеждению, что бесполезно продолжать подобное состояние анархии, и пошли на сделку. Сенат согласился, чтобы были выбраны — из патрициев и из плебеев — десять человек с консульскою властью для составления законов, а плебеи согласились на уничтожение трибуната.

В 451 г. выбраны были первые децемвиры — в число их попали одни патриции. Они изготовили в течение года часть законов, которые были одобрены общиною и написаны на 10 медных досках. Для завершения дела были в 450 г. выбраны новые децемвиры, в число их попали и плебеи. Составление писаных законов было окончено, — это были известные Законы XII таблиц. Как компромисс боровшихся партий, они не содержали существенных изменений старых законов: по ним был ограничен размер разрешенных процентов и усилено наказание за ростовщичество, которое теперь каралось строже, чем воровство. Долговое судопроизводство осталось очень суровым: подтверждено было различие в правах между

землевладельцами и людьми, не имевшими собственности, подтверждено и запрещение браков между патрициями и плебеями; рассмотрение апелляций передано было из собрания по трибам в собрание по центуриям. Главное значение этих законов в том, что теперь консул обязан был судить по ним, всего более в том, что законы были опубликованы и, таким образом, были поставлены под общественный контроль.

Децемвиры были свергнуты до окончания второго года после каких-то волнений, но, конечно, не волнений плебейских, как рисует общеизвестная легенда. Несомненно, они погибли прямо или косвенно от аристократов: учреждение децемвиров было вырвано у аристократии — и после их уничтожения через два года опять вспыхнуло сильное и опасное движение плебеев, принудившее знать снова на уступки. Законы XII таблиц были сохранены, апелляция оставлена была к центуриям, а не к трибам, но народные трибуны были восстановлены и получили право налагать денежные штрафы по своему усмотрению, а право протеста трибунов было распространено и на постановления сената. От консулов было отнято заведование общинною казною и передано квесторам, избираемым общиною. Вообще, мало-помалу все должностные лица стали назначаться по выбору общины, а не консулами. С

этого времени уже не делалось больше попыток упразднить трибунат.

Волнения были не столько политического, сколько экономического характера, это были проявления борьбы богатых с бедными. Богатые плебеи действовали заодно с патрицианским сенатом и не поднимали вопроса об полном уравнивании плебеев с патрициями. Когда же трибунат так утвердился, что стала ясна невозможность его уничтожения, и богатые плебеи стали действовать заодно с плебеями недостаточными и произвели сильный натиск с целью добиться уравнивания политических прав.

В 445 г. прошел закон Канулея: браки между патрициями и плебеями были узаконены и дети следовали состоянию отца — этим разрушена была преграда между сословиями, так долго и упорно охранявшаяся. Затем с такою силою поднялись требования, чтобы плебеи допущены были и к консульской власти, что пришлось и в этом вопросе пойти на уступки: около 444 г. под тем предлогом, что постоянные войны требуют большого числа полноправных военных начальников, решено было вместо двух консулов выбирать ежегодно в центуриях, т. е. в собрании граждан, несущих военную повинность, шесть военных трибунов с консульскою властью, причем от права быть избранными в эти трибуны не были исключены и

плебеи, так как в военной службе они всегда имели доступ ко всем должностям. Сенат соглашался, таким образом, допустить плебеев к консульской власти, но не допускал еще их к консульскому званию. Он действовал тут руководясь побуждениями мелочными, но понятными и во все времена действующими на людей одинаково: со званием консула было связано слишком много почетных отличий, которыми тогда очень дорожили. Вместе с тем сенат провел закон, по которому к военным трибунам не перешло право консулов составлять бюджет, пополнять сенат и исключать некоторых граждан от выборов за порочное поведение, — эти права переданы были в руки двух цензоров, учрежденных в 435 г., выбиравшихся из патрициев и впоследствии занявших положение выше консулов. В 421 г. допущено было избрание плебеев и в число квесторов, но влияние аристократии было так велико, что впервые выбран был плебей в квесторы только в 409 г., а в военные трибуны — только в 400 г.

Средние по достатку лица, имевшие значение при выборах» находили для себя более полезным поддерживать родовую аристократию, чем разбогатевших представителей своего сословия, стремившихся получить себе политические права и почти ничего не делавших, чтобы облегчить

экономическое положение большинства плебеев: раздача земель производилась по-прежнему редко и всегда с явным предпочтением богатых плебеев, хотя была полная возможность улучшить положение большинства нуждающихся благодаря удачным для Рима войнам, тяжесть которых, естественно, падала всего более именно на беднейших жителей. Несколько раз представлялись проекты аграрных реформ, но все попытки в таком направлении подавлялись в зародыше, а виновники их — трибуны Спурий Метилий и Спурий Мецилий, патриции Марк Манлий, отстаивавший Капитолий от галлов, — всегда погибали. В 390 г., во время тяжелой войны с вейентами, наконец, плебеи опять не пошли в поход — тогда сенат принял на счет казны выдачу солдатам жалованья, — это на первое время улучшило положение беднейших жителей, но скоро оно стало вполне прежним, потому что потребовалось увеличение налогов, что чувствительно всего более для наименее достаточных.

Выяснилась необходимость существенной, коренной, реформы, и в 378 г. трибуны Гай Лициний Столон и Люций Секстий Латеран внесли закон, который должен был осуществить упразднение привилегий, гражданское равноправие и социально-экономическую реформу. Предложение заключалось в следующем:

восстановить консульскую власть с тем, чтобы один из консулов был непременно из плебеев, и открыть плебеям доступ в одну из жреческих коллегий; ограничить количество земли, которое мог приобретать гражданин для пользования из числа государственных земель, пятьюстами югерами⁴ и количество скота, какое мог он пасти на общинных полях, пятьюстами баранами и сотнею быков; обязать землевладельцев употреблять для обработки своих земель свободных работников в известном соотношении с количеством их рабов и, наконец, облегчить положение должников вычетом из долговой суммы уплаченных процентов. Сенат упорно боролся против этих предложений, а плебеи столь же упорно отстаивали их — и после 11 лет борьбы, в 367 г. законы эти, наконец, целиком прошли.

Первым консулом из плебеев был избран Лициний Столон. Знать боролась опять прежним приемом отделения от консульской власти ее частей, именно судебных дел, которые были переданы в руки преторов и курульных эдилов, на первое время выбиравшихся только из патрициев, но в течение 356—339 гг. плебеи получили доступ ко всем должностям, не исключая диктаторской и

⁴ Югер — мера площади, равен приблизительно 2500 кв.м.

цензорской, и у сената было отнято право отвергать постановления общины, объявляя их противозаконными; в 300 г. был удвоен состав жреческих коллегий, и новые места предоставлены плебеям, а в 289–286 гг. установлено безусловное равенство плебисцитов, т. е. решений, принятых по трибам, постановлениями всей общины.

Долго еще иные из представителей знати не могли примириться с этим положением и, пользуясь всяким случаем, поднимали препирательства из-за рангов и сословных привилегий — препирательства, бесплодно расстраивавшие и отравлявшие общественную и частную жизнь римской общины, но наиболее прозорливые и благородные из патрициев примирились с утратою своих привилегий и стремились с этих пор и наряду с представителями плебейства так работать на пользу отечества, чтобы оно жило не хуже, чем тогда, когда руководство делами принадлежало исключительно патрициату.

Гражданское равенство было установлено и в известной степени действительно осуществлялось. Весь дух гражданства и политика правительства клонились к тому, чтобы по возможности нивелировать граждан, не к тому, чтобы давать особый ход гениальным личностям, а к тому, чтобы делать хорошими гражданами людей, стоящих на

некотором среднем уровне, но, конечно, те различия, которые во всяком обществе создаются возрастом, умом, образованием, богатством, существовали и играли свою роль и в Риме. Бесспорно, было важно и благотельно, что каждый гражданин Рима, самый бедный и сын самых незначительных родителей, мог занимать высшие должности, но на практике это случалось только в очень редких случаях, и с личностями только особенно выдающимися. Рим оставался еще общиной простых пахарей, а ведь в деревне бедному мужику труднее занять место старшины, чем в городе место головы бедному горожанину.

Не изменилось существенно и экономическое положение недостаточных жителей. Не только максимум земли для пользования и максимум стад был определен очень высоко, но правящие круги проводили те пункты Лициниевых законов, которые касались земельного вопроса, далеко не с тою энергиею, прямою и последовательностью, какие были необходимы, чтобы постановления закона получили полную свою силу. Правительство не в силах было бороться со своими членами — достаточно сказать, что сам виновник закона, Столон, оказался одним из первых нарушителей его в свою пользу, за что и подвергся ответственности.

Положение среднего класса римского населения все-таки несколько улучшилось, но

главным образом потому, что в IV и V вв. от основания города были сделаны римлянами обширные приобретения, давшие большое количество свободной земли, меры же, проведенные законом, оказались паллиативами, но это не уменьшает их важного значения: порицание всяких мер, не имеющих характера решительных и являющихся лишь паллиативами, — это один из самых распространенных приемов в рассуждениях людей, которые не вдумывались в ход исторического развития, но искренний и серьезный наблюдатель жизни народов никогда не разделит такого взгляда, так как знает, что очень часто решительные меры сразу и не могут быть приняты. И нас поэтому не удивит, что и при новых порядках чувствовалось с большою остротою неравенство в положении бедных и богатых и что создавалась новая оппозиция уже прямо для экономической борьбы.

Изложив факты внутренней борьбы в Риме, взглянем, прежде чем обратиться к другим фактам его жизни, как сложилось теперь управление в Римском государстве.

Гражданство в целом осталось высшею самодержавною властью в Римском государстве. Признание за решениями по трибам того же значения, какое имели решения по центуриям, придало заметно более демократический характер

римскому государственному устройству и представляло большую опасность при постоянном возрастании такого не обеспеченного и неустойчивого в нравственном смысле элемента, каким являлись вольноотпущенники, но проистекавшая отсюда опасность была устранена мирно благодаря Фабию, который пользовался таким большим авторитетом, что смог провести закон, в силу которого в собраниях по трибам правом голоса пользовались все свободнорожденные граждане, а из вольноотпущенников лишь те, которые обладали известным имущественным цензом. Этот закон обеспечил решающее значение за более благоразумными элементами, и Фабий заслужил прозвание Великого столько же этою законодательною мерою, сколько и своими победами. Кроме того, тот своеобразный надзор за нравственностью, который все более и более делался главною частью обязанности цензоров, оберегал решения от участия в них заведомо недостойных людей. Компетенция гражданства была более всего расширена относительно выбора должностных лиц, потому что теперь только некоторые должности в военном управлении замещались не по выборам. Гражданство же решало наступательную войну. По вопросам административным к общине обращались лишь

тогда, когда власти приходили в противоречие между собою или когда правительство само не желало брать на себя решение какого-нибудь грудного дела. К концу периода на усмотрение гражданства стали представляться уже и вопросы о мирных и союзных договорах. В сущности, однако, власть и влияние гражданства постепенно уменьшались: Римское государство слишком расширилось, задачи его слишком осложнились, чтобы его дела могло вести и даже ясно понимать собрание всех жителей одной общины, которое отлично может принимать решения в вопросах сравнительно простых, близких и понятных всем ее членам, но совершенно непригодно для управления делами обширного государства. Мало-помалу народное собрание начало относиться к решениям все пассивнее и пассивнее, если не мешая, то и не помогая правительству.

Должностные лица, в общем, стали менее полновластны. В этот именно период выработалось понятие об ограничении административных лиц, прежде обладавших властью почти неограниченною. Как общее правило было постановлено, что одно и то же лицо не может занимать несколько должностей одновременно и несколько раз подряд некоторых высших должностей, но последнее правило фактически не соблюдалось.

Существенному изменению подвергся и трибунат. С тех пор как члены общины были уравнены в правах и управление перешло от родовой знати к соединенной аристократии патрицианских и плебейских родов, первоначальное назначение трибунов — охранять плебеев и содействовать достижению равноправия — совершенно утратилось. Теперь трибуны вошли в состав правительства, осуществляли свои судебские функции и почти никогда не пользовались правом протеста. Если же иногда и возникали в этом направлении попытки, то они были обыкновенно неблагоприятны, а иногда и неблагоприятны, и правительственные круги всегда находили законные способы парализовать или сдерживать таких трибунов — обыкновенно чрез их товарищей, таких же трибунов.

Власть сената теперь значительно усилилась. Около 354 г. было постановлено, что в состав сената обязательно входят по окончании срока службы все те, кто раньше исполнял обязанности консула, цензора, претора или курульного эдила, и что только такие сенаторы могут вносить и обсуждать предложения, остальные же сенаторы, назначение которых зависело от соглашения цензоров и консулов, участвовали только в голосовании. Таким образом, теперь и состав сената косвенно стал зависеть от общины. Компетенция

сената, по существу, не расширилась, но в то время, как к общине перешла внешность верховной власти, сенат получил в свои руки саму ее сущность. На предварительное рассмотрение сената поступали все законопроекты, и он всегда имел множество легальных путей отклонить неприятный ему закон, а в качестве высшей административной инстанции всегда мог на практике не исполнять постановления общины. Мало-помалу сенат фактически присвоил себе право отменять постановления общины под условием, что община потом одобрит его решение, но согласие общины обыкновенно затем не испрашивалось. Сенат получил право продолжать полномочия должностных лиц и после истечения срока их службы, только не в самом Риме, и он широко пользовался этим правом, оставляя тех, кого находил полезным, за консула, за претора. От сената зависели война и мир, заключение договоров, назначение главнокомандующего, вывод колоний, раздача земель, все дела по финансовому управлению, сенат не вмешивался только в дела судебные, военные и в текущую администрацию. И нельзя не согласиться, что римский сенат сумел правильно понять и хорошо выполнить свою великую задачу — управлять великим государством. В сенат вступали не по рождению, а по косвенному выбору нации или по назначению,

сделанному избранными ею высшими должностными людьми. Звание сенатора было пожизненным, но каждые четыре года сенаторы утверждались в своем положении нравственным судом двух избранных достойнейших представителей гражданства — таким образом, римский сенат соединял в своих рядах всех наиболее выдающихся римских граждан, был самым благородным представителем своего народа, и никогда никакое правительство не исполняло лучше сената самое великое из человеческих дел — мудрое и успешное самоуправление, и никакое собрание не отстаивало во внутренних и внешних делах интересы и достоинство своего народа с такою твердостью и с таким умением, как римский сенат.

Глава II. ПАДЕНИЕ МОГУЩЕСТВА ЭТРУСКОВ. КЕЛЬТЫ

Борьба греческих поселений с этрусками, борьба римлян с этрусками. Кельты. Галлы за Альпами, столкновение римлян с галлами. Сожжение Рима. Отражение галльских нашествий.

Рассмотрев внутреннюю историю Римского

государства в течение двух первых столетий после изгнания царей, обратимся теперь к внешней истории Рима и Италии за это время.

К моменту изгнания из Рима Тарквиниев Этрурия находилась наверху своего могущества и была сильнейшею державою на полуострове. В союзе с Карфагеном она безусловно господствовала на западном море, ее корабли вели торговлю и в Адриатическом море, а пираты проникали к берегам Греции и чуть не достигали Малой Азии. Во время смут, последовавших за изгнанием царей и ослабивших Рим, этруски сделали на него энергичное нападение и отняли у римлян всю землю по правому берегу Тибра.

Разыгравшаяся в это время в Элладе великая борьба греков с персами отразилась и в Италии: карфагеняне были в союзе с персидским царем и в самый год нашествия Ксеркса напали вместе с этрусками на греческие поселения в Сицилии, но и здесь эллины так же доблестно отразили врагов, как в метрополии: морские победы сиракузян при Гимере в 480 г. и при Кумах в 474 г. передали господство на море в руки греческих городов Сиракуз и Тарента. то же время и римляне возобновили борьбу с этрусками и после продолжительной войны в 483–474 гг. с соседним этрусским городом Вейи вернули утраченные земли, а в Кампании этрусские поселения были

отчасти завоеваны, отчасти истреблены самнитами. Все эти утраты сильно поколебали могущество этрусков, а затем знаменитый Дионисий Сиракузский (406–367) нанес этрускам такие удары, после которых они уже не могли оправиться: он опустошил берега Этрурии и отнял у этрусков всю торговлю и на Адриатическом море, где основал несколько колоний. Новые потрясения испытали этруски от появившегося на полуострове могущественного племени кельтов.

Кельты, или галлы, принадлежали к индоевропейскому племени, они отличались блестящею храбростью, выдающимися умственными дарованиями, но не обладали задатками, необходимыми для великой исторической роли: они любили войну, охотно покидали одни места, чтобы пуститься в поиски новых, труд над пашней считали унижительным для свободного человека. Земли они, можно сказать, не ценили и, потрясши много государств, сами не образовали могущественного и прочного государственного тела. В незапамятные еще времена они заняли пространство теперешней Франции, отсюда проникли в Испанию, в Ирландию, за Альпы, за Дунай, даже за Босфор и наводили ужас на всех соседей. Около 500 г. большие полчища галлов направились на восток, через Рейн, и на юг, через Альпы: галльские

племена инсубров, бойев, сенонов заняли долину реки По и затем постепенно подвигались на юг, все более и более усиливаясь численно и все заметнее тесня этрусков и некоторые умбрийские племена.

К 408 г. истек срок перемирия на 400 месяцев, заключенного после вейентской войны, и римляне очень энергично возобновили войну: они осадили Вейи и держали армию в походе подряд несколько лет — именно в это время римское правительство стало впервые выдавать солдатам жалованье. В 396 г. Вейи были взяты, это был первый крупный успех Рима в борьбе с другим племенем, и римляне долго помнили эту победу. Этруски вели войну сравнительно слабо, а в последние ее годы они искали мира и даже союза с римлянами, потому что как раз в это время их сильно теснили галльские племена. В союз римляне не вступили, но отправили к галлам послов с предложением оставить этрусков в покое, а когда галлы не обратили внимания на эту просьбу, римские послы приняли участие в битве, сражаясь в рядах этрусков. Теперь галлы потребовали у римлян удовлетворения и, когда их посольство возвратилось ни с чем, быстро двинулись на Рим.

Римляне самоуверенно выступили против варваров и совсем недалеко от города, у впадения в Тибр речки Аллии, 18 июля 390 г. потерпели страшное поражение. Жалкие остатки армии были

отрезаны от города и укрылись в Вейях, защищать Рим было невозможно, потому что осталось слишком мало способных носить оружие. С государственными сокровищами заперлись они в кремле на Капитолии, не способных защищаться в замок не пустили, так как съестных припасов было там мало; жители должны были спасаться бегством, и очень многие погибли, погибло немало и почтенных старцев сенаторов, не пожелавших покинуть свой город. Галлы выжгли весь Рим и целых семь месяцев стояли под Капитолием, стараясь овладеть унесенными в замок сокровищами. Попытки нечаянных нападений, однако, не удавались, а по тогдашнему состоянию инженерного искусства открытою силою крепкого замка взять было невозможно. Осажденные, впрочем, едва уже держались, когда галлы получили весть, что их жилища подвергаются нападениям венетов; тогда они удалились, но все-таки взяли богатый выкуп.

Удар, нанесенный ими Риму, был страшен, сожжение Рима произвело сильнейшее впечатление: факт этот отмечен и в современных событиях греческих летописях, а римляне долгое время потом считали годы от сожжения своего города. В течение следующих 50 лет галлы еще не менее пяти раз вторгались в Лациум, доходили и до области Рима, но неизменно встречали

мужественный и стойкий отпор со стороны союза, руководимого Римом.

Присутствие этой грозной и чуждой силы, пожалуй, еще скрепляло в латинских племенах чувство национального единства и возвышало значение Рима, который принял самое сильное участие в борьбе народов Италии против варваров. Этруски за это время пытались вернуть от римлян свои прежние земли, но начинали всегда действовать недружно, а римляне и их латинские союзники стояли твердо и единодушно, и к 351 г., когда заключено было вновь перемирие на 400 месяцев, римляне заняли значительную часть Южной Этрурии, с городами Капена, Фалерия, Тарквиния, Цере и др.

Со времени нападения галлов на Рим галльские племена являются почти постоянными участниками политических событий на полуострове. Северная его половина вплоть до Абрुцц осталась во власти галльских племен инсубров, кеноманов, бойев, сенонов вместе с племенем венетов и с некоторыми лигурийскими племенами, жившими тут издревле; этруски удержались только в отдельных местах — в Мантуе с окрестностями и в Атрии, на устьях По. Государство этрусков явно пришло в упадок, силы нации иссякали частью от тяжелой борьбы с внешними врагами, а еще более вследствие

недостатков внутреннего строя, который был отмечен, с одной стороны, роскошной жизнью небольшого кружка богатых людей и полным падением среди них нравственности, с другой — крайнею бедностью и не меньшею безнравственностью массы населения. Политическая и социальная борьба, подобная той, какую видели мы в Риме, шла и в этрусских городах, но в народе, лишенном тех прочных нравственных устоев, какие заложены были в душе Рима, социальные перевороты только усиливали бедственное положение, которому они должны были помогать, и государство лишь быстрее клонилось к гибели.

Глава III. ПОКОРЕНИЕ РИМЛЯНАМИ ЛАТИНОВ И КАМПАНЦЕВ. БОРЬБА С САМНИТАМИ

Безуспешное восстание против Рима его союзников. Первые римские колонии в Италии. Новое восстание и изменение условий союза. Завоевания самнитов. Третье восстание и коренные изменения в устройстве союза. Самнитские войны.

Отмена царской власти в Риме немедленно

оказала влияние и на положение Рима в латинском союзе: другие общины союза попытались отнять у Рима его первенствующее положение, но римляне одержали над противниками большую победу при Регильском озере в 499 или 496 г. и сохранили свое значение в союзе. Даже мало того, и в первые годы республики продолжалось неизбежное в каждом союзе превращение гегемонии в полное господство сильнейшего члена союза: к римлянам перешло право постоянно, а не по очереди назначать главнокомандующего; римляне решали окончательно вопрос о мире; они преимущественно своими гражданами заселяли вновь приобретаемые места для колоний, получали всегда львиную долю добычи, состоявшей из движимости и т. д. Внутренние отношения союза, свобода переселений, браков и пр. сохранялись по-прежнему. Управление во всех союзных городах довольно скоро было организовано по образцу управления в Риме, т. е. перешло в руки аристократии, а развитие чувства национального единства латинов повело к тому, что нация не только удержала свою территорию, но сделала вскоре и значительные приобретения.

Около 494 г. увеличение числа граждан и средств побудило римлян основать колонии в юго-восточном направлении от города, так возникли Велитры, Суесса, Норба, Сигния. Заняв ту

область, где лежат эти города, римляне вдвинулись между племенами эквов (к востоку) и вольсков (к югу от Рима). Владения римлян достигли земель герников, и это не особенно сильное племя тогда вступило с Римом в союз, в благодарность за что было включено в латинский союз на правах полного равенства. В 442 г. покорены были рутулы и их город Ардея обращен в латинскую колонию. Около 394 г. основана была в земле вольсков, к югу от Рима, колония Цирцея, с которой Рим мог первое время сообщаться только морем. Вольски долго отстаивали свою свободу, но ок. 380 г. земля их была покорена римлянами и среди поселений вольсков размещены были римские колонисты.

Усиление латинского союза имело последствием внутренние в нем раздоры: по мере того как, торжествуя над соседями, латинский союз начинал чувствовать себя все более и более вне опасности, уменьшалась у союзников покорность по отношению к Риму, а у Рима возрастала требовательность и самовластие в решении дел, касавшихся отдельных членов союза. Удар, нанесенный Риму галлами, дал недовольным смелость открыто подняться против главы союза. Но восстание не было общим и организованным; в течение 383–354 гг. Рим усмирил оказавшие неповиновение города, в том числе и некоторые из своих колоний: Ланувий, Пренесту, Тускул, Тибур,

Велитры и Цирцею. Строже всех был наказан Тускул: он потерял свою политическую самостоятельность и был включен в союз как подвластная Риму община, — это было первым примером в своем роде; в то же время римляне усмирили восстание герников. Теперь был признан нужным пересмотр условий латинского союза, который и был произведен в 384 г. Полноправных членов союза, имевших голос в общем его совещании, осталось по-прежнему 30; принимали участие в латинском празднестве, но не имели голоса в совещании еще 17.

Установить точно, какие именно это были города в ту эпоху, невозможно: у одних городов голоса иногда по тем или другим соображениям отнимались и передавались другим; города, в это время не входившие в латинский союз, впредь принимались Римом в союз уже не как полноправные члены, а только с ограничениями: они были изолируемы друг от друга и получали право заключать браки и коммерческие сделки не с любым городом союза, а только с Римом. Рим заботливо укреплял свои связи с отдельными общинами и свое влияние в них: повсюду вводились те самые институты, которые вводил у себя Рим, — преторы, эдилы. По договору, заключенному между Римом и Карфагеном в 348 г., карфагеняне обязались не нападать ни на какой

город союза, но если бы какой-либо город отложился от союза, то карфагеняне имели право напасть на него, однако, взявши, не могли его разрушать, а обязались передавать Риму.

Верховенство над союзом Рим держал в своих руках твердо, но внутреннего мира в союзе не было, и нельзя было сомневаться, что союзники воспользуются случаем сбросить зависимость, которою они тяготились, как только Рим встретит какие-нибудь значительные внешние затруднения, а такие затруднения предстояли неизбежно, потому что владения Рима слишком уже распространились и его интересы сталкивались со многими и различными интересами...

Полное падение этрусского могущества доставило возможность распространить свои владения самнитским племенам, жившим в горной стране между Кампанией и Апулией. Самниты двинулись на запад и на юг и скоро достигли значительных успехов: они покорили всю Кампанию, а затем и большинство греческих колоний на юге, удержали свою самостоятельность только Неаполь и Тарент, усилились также луканцы и бреттии, занимавшие южные оконечности полуострова (424–390).

Вступившие в близкие отношения с греками самнитские племена подверглись сильному влиянию эллинской культуры, в их среде

распространилась страсть к роскоши, распущенность нравов, представители их знати отличались рыцарскою храбростью и высоким умственным развитием, но у них эти качества не были соединены с твердым мужеством, каким обладали римские патриции. Обширные и блестящие завоевания самнитов вообще послужили скорее к ослаблению племени, чем к его усилению.

В противоположность римлянам, которые рядом политических и экономических мер прочно привязывали к своему городу присоединенные области, самниты, покоря чужие племена, только рассеивались по новым областям, при этом те самниты, которые оставались в своих первоначальных местах жительства, смотрели недружелюбно на своих соотечественников, значительно изменившихся под греческим влиянием, а эти последние, в свою очередь, опасались и не любили своих горных соплеменников, которые казались им слишком грубыми. Взаимное недоверие между ними предало в руки римлян самый богатый город Италии того времени, Капую. Капуанские самниты попросили римлян принять Капую в подданство, только бы они защищали ее от самнитов горных, и если уже по этому поводу не вспыхнула война римлян с самнитами, неизбежность которой чувствовалась, то лишь потому, что самниты были заняты борьбою

с Тарентом — который привлек в качестве наемников, между прочим, спартанского царя Архидама, а после его смерти Александра Молосского, дядю Александра Великого, — а римляне опасались восстания союзников, которое, действительно, и вспыхнуло в следующем году, когда против Рима поднялись все латинские города союза, за исключением Лаврона, и из римских колоний Велитры, Анций и Таррацина. Римлянам пришлось сделать величайшие усилия, но зато они одержали в 340 г. полную победу подле Тифана под начальством Тита Манлия Торквата, и в течение следующих двух лет восстание было окончательно усмирено.

Теперь латинский союз был уничтожен, договоры были возобновлены уже не между Римом, с одной стороны, и союзом — с другой, а между Римом и каждым городом отдельно. Теперь жители каждого города получили право заключать браки и коммерческие сделки только с гражданами Рима, а не с гражданами других городов; у всех городов были отняты части их земель соразмерно со степенью виновности их перед Римом и повсюду поселены римские граждане; Ланувий, Ариция, Номент, Педум были лишены политических прав и сделались римскими подвластными общинами, как Тускул; Велитры были наказаны еще строже: из города был изгнан сенат и произведены суровые

конфискации. Такие же порядки установили римляне мало-помалу и в Кампании, где они владели кроме Капуи еще Кумами, Формиями и др. Здесь также введено было повсеместно и римское общинное управление.

Новая область привлекала все внимание римлян, они старались и привязать ее к себе целым рядом административных и экономических мероприятий, и укрепить за собою цепью крепостей: становилась очевидною неизбежность борьбы и с самнитами, которые протестовали против права римлян распоряжаться некоторыми из кампанских общин. Впрочем, Рим теперь настолько усилился, что для него была бы страшна разве что борьба с коалициею всех других племен и союзов полуострова, но вероятность такой коалиции была слишком мала: у противников Рима не было достаточно прозорливости, мужества и самоотвержения, чтобы своевременно составить прочный союз и поддержать его при отдельных неудачах.

Самниты, со своей стороны, тоже сознавали неизбежность борьбы с Римом и делали попытки найти себе союзников, но скоро они убедились, что им надо рассчитывать почти исключительно на себя и что в лучшем случае их успехи вызовут присоединение других племен. Особенно ценно для самнитов было бы содействие Тарента и луканцев,

но эти желанные союзники уклонились от участия в предстоящей борьбе: Тарент — благодаря недалёковидности и вялости своего демократического правительства, а луканцы — потому что соблазнились предложениями союза со стороны римлян и предпочли употреблять свои силы на более близкое и легкое дело — на набеги в богатую область Тарента. Натянутые отношения между Римом и самнитами длились уже несколько лет, и открытая война вспыхнула по совершенно мелкому поводу: римляне готовились овладеть Неаполем, а самниты предупредили их и заняли его своим гарнизоном. Тогда римляне немедленно объявили Неаполю войну (327 г.), через год этот город и ближайшие к нему Вольтурна, Нуцерия, Геркуланум поддались римлянам. Война же с самнитами продолжалась.

Первая Самнитская война шла 22 года (326–304). Первые четыре года перевес был явно на стороне Рима, и самниты просили мира, но просьба их была отвергнута. В 321 г. военное счастье совершенно изменило римлянам. Оба их консула, находясь во главе сильной армии, по ложным слухам о тесном обложении самнитами одной крепости двинулись к ней на выручку через гористую местность и попали (321 г.) в Кавдинских ущельях в такую засаду, что не было решительно никакой возможности спасти армию. Самнитский

военачальник Гавий Понтий согласился отпустить армию за ничтожное, в сущности, вознаграждение — консулы от имени Рима обязались уступить несколько незначительных округов, — но вместе с тем с великим поруганием: армия должна была выдать оружие, пройти под виселицей и оставить в обеспечение договора 600 заложников из числа всадников.

Когда опозоренная армия явилась в Рим, сенат отказался ратифицировать мир, он отослал самнитам консулов, его подписавших, предоставил им поступать как угодно с заложниками и продолжал войну. И сенат действовал именно так, как должно всегда действовать правительство, понимающее, что главная его обязанность — блюсти честь и интересы народа. Помимо того что консулы не имели и полного права заключать окончательный мир без сената и народного собрания, великий народ не поступает своими владениями иначе как под давлением крайней необходимости, и соглашения об уступках вовсе не являются нравственными обязательствами — всякий народ, напротив, обязан считать долгом чести уничтожить такие договоры. Со своей стороны и самниты показали себя в этом деле великим и благородным племенем: они не подвергли заложников и консулов никаким наказаниям.

Война продолжалась — и первое время успех опять был на стороне самнитов, только в 319 г. Люций Папирий Курсор одержал значительную победу над врагами Рима. Но все-таки в 314 г. самнитская армия проникла в самую Кампанию и стояла под Капуей. В следующем году перевес перешел к римлянам, а в 309 г. Папирий Курсор нанес новое сильное поражение самнитам. Они опять предложили мир, но и теперь не удалось согласиться относительно его условий. Две римские армии вторглись в Самниум, разбили армию самнитов, взяли в плен их вождя Стация Геллия и овладели Бовианой, столицей Самниума, — тогда сопротивление самнитов прекратилось.

В течение этой борьбы против Рима поднимались и другие враги: в 311 г. Тарент вдруг потребовал прекращения войны, но римляне просто не обратили на это никакого внимания. Вскоре к самнитам присоединились этруски, и самниты, жертвуя обороною своей страны, привели в Этрурию значительные силы, но этруски не выдержали и одного сильного удара, а после победы консула Квинта Фабия Руллиана у Вадимонского озера в 310 г. города их один за другом заключили с Римом мирные договоры; поднимались в подмогу самнитам герники, умбрские племена марсов и пелигнов, а также и некоторые города бывшего латинского союза, но с

ними римляне справились без труда и сурово наказали изменявшие города, из числа граждан города Фрегелл, например, было казнено в Риме сразу более 200 человек.

Война с самнитами окончилась в 304 г. миром на очень умеренных условиях: самниты уступили лишь некоторые незначительные округа и приняты были в равноправный союз. Римляне думали этим обеспечить себе спокойствие на то время, в течение которого они надеялись выполнить задачу, совершенно необходимую для их дальнейших успехов: подчинив себе окончательно племена герников, эквов, вольсков, живших уже среди территории, вполне принадлежавшей Риму, но сохранивших еще самостоятельность, римляне немедленно начали устраивать укрепленный округ между Этрурией и Самниумом; когда завершилось бы устройство крепостей Альбы, Карсиоли, Нарнии, Сутрии и Соры, когда они были бы соединены хорошими дорогами, облегчавшими движение армии, тогда Южная Италия была бы отрезана от Северной, соединение армий самнитской с этрусской или галльской стало бы невозможным и Риму гораздо легче было справляться с разьединенными силами своих противников.

Самниты понимали намерения Рима и решились на новую попытку отвлечь опасность,

угрожавшую их свободе. В 298 г. они быстрым ударом на луканцев достигли того, что у этого племени власть перешла к той партии, которая и раньше не сочувствовала союзу с Римом, а теперь решила поддерживать самнитов. Затем они привлекли к союзу галлов и этрусков и, пока еще не было закончено устройство укрепленного округа, начатое Римом, провели свою армию в Умбрию на соединение с союзниками. Так началась вторая Самнитская война (298–290).

Римляне без особого труда и быстро заставили луканцев отказаться от союза с самнитами и выслать в Рим заложников. В Этрурии и Самниуме военные действия имели второстепенное значение, главные события должны были произойти в Умбрии, где сосредоточивалась под начальством Геллия Эгнация огромная армия этрусков, галлов и самнитов, прошедших сюда мимо римских крепостей. Римляне напрягли все свои силы и выставили 60-тысячную армию под начальством лучших своих вождей — Квинта Фабия Руллиана и Деция Муса. При Сентине, на склонах Апеннин, произошла в 295 г. решительная битва. Счастье долго колебалось — и вот враги стали уже одолевать римлян, тогда Деций Мус приказал жрецу обречь на гибель римского вождя и неприятельскую армию и бросился в самую жаркую сечу, на верную смерть, в твердой вере, что если

исполнится первая часть обета, то исполняют боги и вторую... Он погиб, но римские воины удвоили свои усилия и одержали полную победу. Она стоила жизни девяти тысячам римских граждан, но имела и огромные результаты.

Коалиция против Рима распалась: галлы бросили войну, Этрурия в следующем, 294 г. заключила мир, одни самниты продолжали еще три года свою геройскую, но теперь уже безнадежную борьбу. Тщетно пытались они вызвать вмешательство Тарента, близорукое правительство которого не оценивало значения успехов Рима и интересовалось больше замыслами Агафокла Сиракузского приобрести гавани на берегах Италии. После нескольких частных успехов самниты понесли тяжелые поражения от Люция Папирия Курсора-сына и Манья Курия Дентата, и в 290 г. заключен был мир на условиях опять весьма сносных для самнитов.

Римляне теперь особенное внимание обратили на то, чтобы протянуть свои владения и за Апеннины, поперек полуострова, до Адриатического моря. В 289 г. они основали на этом море первую свою колонию и сильную крепость Атри, затем — *Castrum Novum*, в то же время усилена была Венузия, самая многолюдная колония римлян, основанная там, где сходились границы Самниума, Апулии и Лукании. Римляне

уже предчувствовали, что такой державе, в какую выросла теперь их община, придется неизбежно столкнуться с другими великими державами, и готовились к борьбе.

Глава IV. БОРЬБА С ЦАРЕМ ПИРРОМ

Столкновение римлян с луканцами и Тарентом.

Пирр в Италии. Битва при Гераклее.

Безуспешные попытки Пирра заключить мир.

Битва при Беневенте. Попытка карфагенян завладеть Тарентом. Италия объединена под владычеством Рима.

После полного поражения самнитов римляне не нуждались уже в союзе с луканцами и в 285 г. потребовали, чтобы они прекратили свои нападения и грабежи соседних греческих городов, которые просили покровительства римлян. В ответ на это луканцы задержали послов, выставили сильное войско и подняли против Рима этрусков, умбров и галлов. В следующем году сеноны истребили в Этрурии целую армию римлян, перебив до 13 000 человек. Но, пока союзники договаривались, спорили о субсидиях и плане войны, римляне действовали: в 283 г. сильная армия вступила в область сенонов и произвела там страшное

опустошение, все уцелевшие сеноны выселились поголовно в придунайские страны и Македонию, так как им предоставлено было избирать между смертью и удалением из своей области. Озлобленные такую расправою со своими соплеменниками, бойи огромною массою двинулись на Рим, но у Вадимонского озера галлы и этруски были совершенно разбиты в 282 г., и на севере Италии восстановлен был мир, по которому римляне удержали область сенонов, вскоре заключили мир и луканцы, а ближайšie к ним греческие города приняли к себе римские гарнизоны.

Теперь оказался в непосредственном соседстве с римскими владениями Тарент. Богатый город с чисто демократическим устройством давно уже недоверчиво и с опасением смотрел на успехи Рима, теперь впечатлительные греки быстро дошли до озлобления, и это чувство по совершенно ничтожному поводу прорвалось с такою неумеренностью, какая возможна только при безрассудстве и недобросовестности, свойственным владычеству черни: римляне отправили флот во вновь устроенные колонии на Адриатическом море и флот этот по пути зашел в Тарентскую гавань, как это постоянно делали римские корабли, но на этот раз вдруг уличные ораторы возбудили толпу, напомнили какой-то частный, давно забытый

договор, по которому римляне обязывались не посылать своих кораблей восточнее Лакинского мыса, толпа бросилась на римлян, убила адмирала, захватила пять судов и много матросов, которые немедленно были частью перебиты, частью проданы в рабство. Если даже была и верна ссылка на какой-то договор, текст которого до нас не дошел, то ясно, что никакое нарушение договоров не могло оправдать такой дикой расправы, — просвещенный греческий город словно хотел показать, что и высокая цивилизация не уничтожает в человеческой натуре всех элементов зверства.

Римляне имели полное право немедленно напасть и беспощадно наказать виновников неслыханного и ничем не вызванного оскорбления, но они, выставив армию, сначала потребовали только выдачи виновных и войну начали лишь тогда, когда получили отказ и в этом. Умеренность римлян объясняется их желанием лучше подготовиться к войне, так как им было известно, что тарентинцы давно уже приглашали к себе прославленного в то время греческого вождя, царя Пирра, теперь тарентинцы поспешили договориться с Пирром и решились на борьбу, зная, что римляне во всяком случае не оставят их без сурового возмездия — если не теперь, то как только представится возможность.

Пирр принял приглашение, имея в виду более

широкие планы, чем предполагали противники Рима. Согласно условию Пирр делался главнокомандующим над всеми силами, которые выставит коалиция против Рима: на время войны он занимал Тарент гарнизоном, но обещал не оставаться в Италии более, чем будет нужно; денежные средства, конечно, доставлял Тарент. Весною 280 г. Пирр высадился в Таренте с войском в 23 000 человек и с 20 слонами — оказалось, что это почти все, на что он мог рассчитывать: коалиция еще не выставила никаких войск. Отношения с тарентинцами у Пирра сразу испортились, потому что он потребовал, чтобы и они несли службу, а граждане полагали, что, наняв войско, они ни к чему более не обязаны, как только платить деньги.

Римляне собрали армию в 50000 человек и, обезопасив себя в сомнительных городах гарнизонами, двинулись к Таренту. У Гераклеи, на берегу реки Сирис, в 280 г. консул Публий Левин атаковал Пирра. Произошло упорное сражение, долго остававшееся нерешительным. Наконец искусные распоряжения Пирра и атака слонами доставили грекам полную победу, римляне отступили, потеряв 15 000 убитыми и ранеными и 2000 пленными. После этого надежды врагов Рима ожили, к Пирру присоединились луканцы, бреттии и самниты.

Пирр понял, однако, что трудна будет борьба с Римом: не только ни один пленный не принял предложения Пирра вступить к нему на службу, что постоянно делалось в Греции, но ни один латинский город не поколебался в своей верности римскому союзу. Пирр отправил в Рим своего приближенного, даровитого оратора Кинеаса, чтобы вступить в мирные переговоры. Царь требовал только независимости греческих городов и возвращения округов, отнятых у самнитов, бреттиев и луканцев. Кинеас приложил все свое искусство, чтобы не задеть самолюбия сената, и, напротив, старательно выставлял уважение, которое действительно питал Пирр к Риму, и желание царя жить в дружбе с мужественным народом. Слова Кинеаса оказывали уже влияние, но престарелый слепой Анний Клавдий, герой еще первых лет первой Самнитской войны, страстною и гордою речью вдохнул в сенаторов мужество отвергнуть мир и биться, пока не достигнута будет победа. Кинеас оставил Рим, унося глубокое впечатление от этих людей, которые жили очень бедно, но так богаты были любовью к родине и к ее славе.

Зимою римляне предложили обмен пленными, Пирр отказался, но на честное слово отпустил всех пленников на праздник Сатурналий — и все они возвратились к сроку. Весною 279 г. произошло новое сражение, в Апулии при Авскуле. С обеих

сторон бились по 70 000 человек. Сражение возобновлялось в течение двух дней: в первый день перевес остался на стороне римлян, но на другой день Пирр сумел занять очень удобную позицию и снова одержал победу — и опять с грустью видел, что никакого существенного политического успеха он не достиг; ему стало ясно, что ресурсы римлян сравнительно с его ресурсами чрезвычайно велики, помимо того что Рим прилагал к борьбе неизмеримо больше энергии, чем коалиция.

Царь уже тяготился своим предприятием, в успех которого перестал верить, и с радостью встретил приглашение сиракузян принять власть в их городе: в Сицилии карфагеняне, пользуясь внутренними раздорами греческих городов, энергично и успешно распространяли свои владения и, наконец, Сиракузы, так недавно еще могущественная морская держава, едва отстаивали от них свою самостоятельность; в таких-то обстоятельствах сиракузяне и позвали к себе Пирра, а так как он был зятем последнего властителя Сиракуз Агафокла, то предложение являлось во всех отношениях подходящим.

В первой половине 278 г. Пирр отплыл в Сицилию, оставив на полуострове свои главные силы под начальством опытного полководца Милона. Вмешательство Пирра в дела Сицилии побудило римлян и карфагенян заменить свои

прежние торговые договоры новым, союзным: в случае вступления Пирра на территорию карфагенян римляне обязывались доставить им армию, в случае вступления на территорию римлян карфагеняне обязывались доставить флот; обе стороны обещали не заключать с Пирром отдельного мира.

В течение двух лет Пирр овладел почти всею Сицилиєю, только Лилибей оставался в руках карфагенян. Пирр снарядил и большой флот, но вместо того, чтобы окончательно изгнать карфагенян из Сицилии, отнять у них и Лилибей, он отправился в 276 г. снова в Тарент — и немедленно утратил Сицилию: он управлял делами столь непоследовательно, столь мало применяясь к духу народа, что немедленно после его отплытия города один за другим завязали сношения с Карфагеном, и вскоре положение в Сицилии вернулось к тому, каким было оно до появления Пирра.

Полная неудача ожидала его и в Италии. Римляне отдохнули, усилили свою армию, тогда как Пирр не мог уже выставить таких же опытных солдат, каковы были приведенные им из Греции и большей частью уже погибшие в боях. В 275 г. в битве при Беневенте он потерпел полное поражение — и сразу из руководителя колоссального предприятия он стал тем, чем в сущности и был — вождем наемников, храбрым воителем, но

совершенно неспособным заложить основы государства. Он оставил гарнизон в Таренте и отплыл на родину. Здесь его заняла борьба с мелкими местными врагами, и вскоре он был убит во время ничтожной уличной схватки в Аргосе (272 г.).

Появление Пирра в Италии было естественным завершением сношений Греции с Италией, которые уже давно получили политический характер: при дворе Александра Великого в Вавилоне бывали послы луканцев, бреттиев и карфагенян, и вполне возможно, что Александр предполагал защитить сицилийских греков от карфагенян и объединить в одно государство греческие поселения в Италии. В смутную эпоху его преемников эти планы были на время оставлены, но сношения продолжались: в 306 г. римляне заключили торговый договор с Родосом. Замысел основать западное Эллинское государство, ядром которого служили бы Эпир, Великая Греция и Сицилия, — замысел почти столь же грандиозный, как предприятие Александра Македонского, и возобновил родственник его Пирр.

Предприятие Пирра заслуживает большого внимания и как первое столкновение греков и римлян на военном поприще, и по личности царя, и по особым условиям, которые выяснились в этой борьбе. Лично Пирр отличался живым умом,

редкою храбростью и еще более редким в то время между греками свойством — безукоризненною честностью и благородством характера. При дворе Птолемея и в войске Димитрия Полиоркета он в совершенстве изучил военное искусство своего времени и обнаружил таланты вождя, его подданные называли своего царя орлом и боготворили его. Македонцы избрали его на престол Александра Великого, но Пирр через несколько месяцев добровольно оставил Македонию, утомленный придворными интригами.

Деятельность Пирра в Сицилии, однако, раскрыла все различие между ним и Александром Македонским, с которым его нередко сравнивают. Александр в очень короткое время сумел так привить греческое влияние во всех областях, которые были под его властью и влиянием, что оно никогда уже там не изгладилось, а Пирр совершенно не сумел достичь чего-либо подобного. Но грандиозное предприятие Пирру не удалось не потому только, что он был лишь талантливым полководцем, а не гениальным государственным человеком, как Александр, — главным образом, оно не удалось потому, что на востоке сами народы не отстаивали своей свободы и самобытности, а довольно безучастно смотрели на перемену своего господина, на западе же отстаивал себя весь народ, и если можно было разбить его армии, то никакими

силами нельзя было сделать латинов плательщиками в пользу греческих владык.

В год смерти Пирра оставленный им в Таренте гарнизон сдал крепость римскому консулу, когда в гавани появился сильный карфагенский флот и приходилось выбирать между сдачей римлянам и карфагенянам. Это было огромным счастьем для Рима и событием мирового значения: карфагеняне давно желали и, вероятно, смогли бы захватить в свои руки этот важный пункт, если бы противиться им попытался гарнизон Пирра, и при тогдашнем состоянии инженерного искусства отнять сильную крепость у карфагенян римлянам, быть может, и вовсе не удалось бы. А чем могло отозваться на ходе событий то обстоятельство, что карфагеняне имели бы в своих руках гавань в Италии, это станет ясно из истории войны Ганнибала. Теперь же карфагенянам пришлось примириться с совершившимся фактом. С другой стороны, когда посольству, которое было отправлено в Карфаген за объяснениями подозрительного появления сильного флота пред Тарентом, были даны клятвенные уверения, что имелось в виду поддержать римскую армию при осаде Тарента, римляне сочли нужным удовлетвориться таким ответом.

Вскоре покорились Риму луканцы, бреттии, а в 269 г. окончательно подчинен был и Самниум. В

течение следующих пяти лет прекратилось всякое сопротивление на всем пространстве Южной Италии, римляне же по-прежнему укрепляли свои новые владения основанием колоний и проведением новых дорог. Теперь Италия была объединена под владычеством Рима. Для обозначения формы господства Рима не было общепотребительного наименования, что характерно и свидетельствует о мудрой предусмотрительности. В точности установить все подробности устройства этого государства невозможно, но в главных чертах оно известно с достаточною полнотою.

Отношения италийцев к Риму были чрезвычайно разнообразны. Часть жителей пользовалась правами полного гражданства, остальные находились в подчиненности, в которой можно различать, по крайней мере, три степени. Права полного гражданства имели жители Рима и многих колоний, основанных им в разных городах. Настоящие граждане участвовали в выборах и могли занимать все должности в республике. Большинство латинских общин пользовались правами ограниченными, но наиболее широкими после полного гражданства: они пользовались самоуправлением, но их граждане не участвовали в выборах и не могли быть избираемы на должности, связанные с управлением всею республикою, если

не приобретали прав и римского гражданства, доступ к которому все затруднялся. Так, было постановлено, что права эти могут приобретаться только теми из граждан других общин, кто на прежнем месте своего жительства мог оставить взрослого сына, способного там нести гражданские обязанности, затем требовалось, чтобы лицо, ищущее прав полного гражданства, занимало ранее в своей общине высшие должности по выбору. Другие латинские общины, а равно и большинство колоний, заселенных гражданами латинских городов, не имели и самоуправления, а управлялись от лица римского претора префектами, которые были им назначаемы.

Наконец, нелатинские общины были ограничены в разных правах и по своему положению приближались к подданным.

Географическое распределение общин разных категорий и численный их состав нельзя установить с точностью. Можно указать, что пред самым началом первой Пунической войны насчитывалось до 280–290 тысяч способных носить оружие, но в это число, несомненно, включены и пользовавшиеся неполными правами гражданства. Внутреннее управление отдельных общин было организовано в общем по образцу управления всей республики: по крайней мере, во время Ганнибаловской войны в Беневенте, в Венузии

были консулы, трибуны и т. д. Сенат римский в отношениях к италийцам обнаруживал истинную государственную мудрость и, сурово наказывая всякую попытку отдельных городов или общин действовать в чем-либо во вред государству, весьма сдержанно и благоразумно проявлял свое господство и силу, пока общины не обнаруживали стремлений, опасных для государства. Исстари сенат не применял и самого опасного и соблазнительного права — права облагать подданных податями. Тягость военной службы лежала преимущественно на гражданах, за что они с полным основанием пользовались и большими выгодами от всякого рода добычи.

Учрежденные в 267 г. четыре италийских квестора поддерживали необходимую связь италийских общин с римским сенатом. Под мудрым руководством сената утвердилось национальное единство, а теперь романизация делала быстрые успехи и среди менее родственных римлянам племен. Рим, связавший искусно сплетенными и прочными нитями все италийские общины в одно величественное политическое здание, стал в полном смысле великою державою. Теперь его не могли не касаться политические события, разыгравшиеся во всех концах Средиземного моря, теперь он должен был явиться участником великой политической борьбы, которая уже давно шла в восточной части

Средиземного моря и которая обусловила возникновение Карфагена и стала уже вовлекать в свою сферу и Рим.

Рим теперь должен был стать и морской державою, он ведь и первоначальным своим значением был обязан в сильной степени тому, что был морскою гаванью всего Лациума, и римские государственные деятели никогда не были столь безрассудны, чтобы думать, что государство может быть могущественно, оставаясь исключительно континентальною державою. В то время, когда Рим направлял все силы на упрочение своего могущества в Италии, мореплавание его временно пришло в упадок и даже чужеземные корсары опустошали иногда берега Лациума (349), но договоры, заключенные в 348 г. с карфагенянами и около того же времени с Тарентом, доказывают уже существование римского флота, хотя свидетельствуют и о жалком его состоянии. Опасность и унижительность такого положения в Риме скоро поняли, с начала IV в. римляне обратили особенное внимание на укрепление берегов Италии, создали целый ряд колоний на восточном и западном морях, организовали военную защиту этих колоний.

С завоеванием Неаполя римляне начали усиливать и свой флот, в 311 г. учреждена должность двух начальников флота, а в 267 г.